

АЛЕКСАНДР КОНДРАТЬЕВ

Образ зверя

Александр Кондратьев

Образ зверя

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21161187
ISBN 9785448317439*

Аннотация

Боец, не проигравший ни одного боя, думает о завершении карьеры, но уход с ринга означает смерть. Сиамские близнецы мечтают вырваться из города, откуда нет выхода – даже за деньги. Беременная девушка с протезом вместо руки скрывается от безжалостной Службы контроля рождаемости. Мальчик, чтобы спасти своих близких, отправляется в опасное путешествие по загадочной Полосе. Таинственный человек с серпом объявляет себя новым Мессией и вершит суд над людьми – очень странными методами.

Содержание

Часть 1. Зверь выходит из вод	6
Глава 1	6
I	6
II	11
III	17
IV	19
V	24
Глава 2	30
I	30
II	36
III	41
IV	45
V	48
Глава 3	54
I	54
II	59
III	64
IV	71
V	76
Глава 4	80
I	80
II	86
III	92

Конец ознакомительного фрагмента.

Образ зверя

Александр Кондратьев

© Александр Кондратьев, 2016

ISBN 978-5-4483-1743-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Зверь выходит из вод

Глава 1

I

Экран вспыхнул, и на нем появилось лицо бога. Толпа, собравшаяся на площади, стихла. Торжественное молчание нарушал только ветер, заблудившийся в узких переулках, выходивших на площадь. Люди, замерзшие и взволнованные, переступали с ноги на ногу. Все ждали, когда бог объявит свою волю.

На худом суровом лице с широкими скулами блестели серые, холодные глаза. Проницательный взгляд, казалось, проникал прямо в сердце и высвечивал порчу, поразившую его. Бог видел все. Немногие в толпе могли вынести его взгляд. Люди стояли, опустив головы, разглядывая чужие ноги, лужицы, влажную каменную кладку. Мелкий дождь сыпался сверху, мочил затылки.

Тонкие губы тронула слабая улыбка, морщины резче проступили на старом лице. Над толпой полетел громкий, хорошо поставленный голос, усиленный динамиками. Бог говорил медленно, с большими паузами, придавая вес каждому

слову.

– Дорогие дети! Братья и сестры! Спасибо, что пришли. Я рад, что вы не забыли мое лицо. Сегодня – радостный день. Префект Северо-Востока усердно трудился на своем посту и заслужил награду. Я призываю его.

В первых рядах, близких к экрану, началось движение. Толпа расступилась, оставив в одиночестве человека в черном пальто и шляпе. Человек затравленно оглянулся и сделал нервное движение рукой, попытался пригладить волосы. В волнении он забыл про шляпу, и она соскочила с головы. Из ряда солдат, застывших у экрана, выделились двое. Их белая одежда промокла и выглядела серой, как небо над головой. Человек попятился, и толпа отползла от него дальше. Солдат поднял автомат и прицелился.

Вдруг из толпы выскочил какой-то юноша, почти ребенок. Отросшие волосы растрепались от дождя и от спешки. Прыщи уродовали длинное испуганное лицо, редкая рыжая борода торчала клоками. Префект отшатнулся от него, оступился и нелепо растянулся на холодных камнях.

– Да что с вами, люди? – крикнул юноша тонким пронзительным голосом. – Сколько еще вы будете глотать это? Вы вообще в своем уме? Какой бог, это же президент наш бывший!

Палец с покусанным грязным ногтем обличал лицо на экране.

Сутулая старушка выступила из толпы, взяла юношу

за рукав.

– Милый, ты чего это? Угомонись! Побойся бога!

– Да вы не понимаете, что ли? – надрывался молодой человек. – Это же чушь! Этот экран, этот, этот...

– Экран – это чудо господнее, – авторитетно заявила старушка. – Он без проводов работает.

– Без проводов!.. Да я сейчас вам покажу! Сейчас, сейчас! – задыхался юноша, спешил сказать, глотая окончания слов.

Он запустил руку во внутренний карман сального пиджака, где хранил фотографию, которую считал важнее всего на свете – важнее даже собственной жизни. Старушка поспешила отойти подальше и быстро затерялась в толпе. Ближайший солдат отреагировал мгновенно: в два широких шага подошел к бунтарю и ударил его прикладом по голове. Юноша застонал и повалился на землю. Фотография выскользнула из кармана и упала на влажную землю изображением вверх. На ней мужчина, похожий на бога с экрана, лежал в простом деревянном гробу, сложив руки на груди. Солдат наступил на фотографию сапогом, приставил ствол к голове юноши и выпустил очередь. Толпа сосредоточенно молчала. Люди отводили глаза, стараясь ни с кем не встречаться взглядом. Бог наблюдал за происходящим со сдержанной улыбкой.

Префект попытался воспользоваться ситуацией, вскочил на ноги и побежал. Он врезался в человеческую массу, но та

не пустила его, встала крепко. Префект бил озлобленные лица кулаками, лягался, пока чьи-то сильные руки не оттолкнули его обратно, к солдатам.

Очередь – и префект отправился к создателю.

Военный, расправившийся с молодым бунтарем, нагнулся и подобрал фотографию, испачканную кровью. Он несколько секунд изучал ее, после чего спрятал в карман.

– Новым префектом Северо-Востока назначаю Дмитрия Ковригина, – прогремел бог. Затем перешел на вкрадчивый шепот: – Скажем: «Аллилуйя!» Скажем: «Аминь!»

– Алиллуйя! Аминь! – отозвалась толпа.

Бог улыбнулся своему народу. Настало время для ритуальной прощальной фразы, но бог молчал. Казалось, он собирается сказать что-то еще. Люди напряженно переглядывались. Новый призыв? Новое назначение? Повышение налогов? Новая реформа? Вопросы тараканами ползли по взволнованной толпе.

Случилось неожиданное. Изображение на экране зарябило, раскололось на разноцветные квадраты. Несколько мгновений квадраты мерцали, потом потухли все разом, уступили место синеве. По синему экрану побежали белые цифры: 55.83168055555599807,37.6319472222220028

Потом экран мигнул несколько раз и погас. Люди застыли, раскрыли рты в изумлении. Солдаты растерянно переглядывались.

Таши, смешавшись с толпой, внимательно следили за происходящим из-под широкого копюшона. Таши – общее имя для двоих, запертых в одном теле. Сами себя они называли Таш и Таша, но множественное число закрепилось за ними и превратилось в единственное. Все, кто вел дела с близнецами, называли их просто Таши, адресуя это имя обоим, не обращаясь непосредственно к кому-то одному.

Жизнь оставила Таши не так много средств к существованию, так что брат с сестрой зарабатывали за счет ставок на тотализаторе. И зарабатывали очень и очень прилично. У обоих был прекрасный аналитический ум, удивительная память, они хорошо разбирались в политике и обладали определенными связями. Сегодня Таши снова озолотились: они предполагали, что префектуру Северо-Востока ожидают определенные пертурбации, а Ковригину давно прочили большое будущее. В последнее время Северо-Восток Сердца стал лакомым кусочком по целому ряду причин: наркотики, игорный бизнес и подпольные бои. Контроль за этим бизнесом сулил серьезный барыш, а прежний префект не очень любил делиться. Конец был неминуем – кто угадает когда, сорвет джекпот.

Но то, что экран сломается, не ожидал никто. Таши прикинули, сколько мог бы стоять такой прогноз и с досадой

переглянулись. Каждый увидел в глазах другого и кое-что еще – страх.

– Как думаешь, что это значит? – спросила Таша, взглядом указывая на экран.

– Думаю, это неожиданность и для них, – ответил Таш, имея в виду солдат, а вместе с теми, очевидно, и власть Сердца в целом.

– А что это за цифры? Случайность? Или какой-то код?

– Может быть, координаты?

– Ты их запомнил?

– Обижаешь!

II

Удар. Еще удар. Перед глазами вспыхивают и гаснут черные звезды.

В начале боя Урс намеренно пропускает несколько ударов, чтобы у противника появилась ложная надежда. Надежда – самый опасный вид самообмана. Ее легко разбить; она ломается раньше, чем кости. Человек, лишенный надежды, уже не боец – мешок с мясом.

Урс делил противников на три типа: дураки, честолюбцы и отчаявшиеся. Отчаявшиеся – самые опасные. Загнанные в угол, они бились до последнего, не боялись запачкаться, пускали в ход все, чем располагали. В них было больше звериного, чем человеческого, и Урс уважал их. Они изле-

чились от психологического заболевания, которое называют надеждой. Отчаявшиеся оставили на теле Урса много меток, и он носил их, как награды.

Дураки не верили в репутацию Урса и относились к нему как к городской легенде. Они были оптимистами и пропускали предупреждения мимо ушей. Дураки считали, что столько побед одержать просто невозможно. Поэтому-то они и были дураками.

Честолюбцы почти ничем не отличались от дураков, разве что были чуть-чуть умнее — верили всему, что говорилось об Урсе. Но в себя все-таки верили больше. Баснословное богатство, обещанное за победу над легендарным бойцом, — слабая мотивация, если знать, что идешь на верную смерть. Слава — другое дело. Чего не сделаешь ради славы?

Может быть, они рассчитывали, что Урс одряхлел и потерял хватку. Ставки на время — самые мудрые, и однажды постаревший боец точно проиграет молодому. А кто сказал, что Урс будет драться до старости?

Урс появился на свет тридцать пять лет назад, двадцать из которых провел на ринге. Сегодня он отмечал своеобразный юбилей: вышел на ринг в 1110-й раз. Успех предрешен, потому что в сумме цифры дают три.

Несколько лет назад, еще до того, как он побил своего тысячного противника, организаторы боев пытались вывести его на ринг под именем Тысяча Душ, но прозвище не прижилось. Иногда его звали просто — Смерть. Самого Урса это

раздражало: он был спортсменом, а не убийцей, пусть в этом конкретном случае эти понятия не различались.

Родители назвали его Руслан. Путем несложного преобразования короткое имя Рус превратилось в Урс. Урс значит медведь, и его это вполне устраивало. Он и был похож на медведя: две метра, рельефный торс, покрытый жесткими бурыми волосами, ноги-колонны, непропорционально маленькая голова с ежиком русых волос – настолько маленькая, что объемные бицепсы казались больше. Размер не повлиял на ее содержимое: Урс слыл выдающимся стратегом и тактиком. Каждый бой он разыгрывал в уме как шахматную партию. Он просчитывал углы и наклоны, считал шаги и удары, выстраивал сложные схемы из прыжков, уверток и уходов. Вдобавок, он был одержим цифрами. Урс выделял числа, которые ему нравились: например, 3, 5 и 21; некоторые же, напротив, он считал несчастливыми и опасными – 7, 17 или 19. Иногда, забавы ради, он завершал бой в девятнадцать ударов, иногда – в пять. Постоянная практика убедила его в том, что у цифр есть воля. Он всего раз был близок к поражению, и это произошло 17 июля.

Сегодняшний противник оказался типичным дураком. Жилистый юнец, весь в татуировках, у шеи и на груди – два длинных уродливых шрама. Поддавшись на хитрость Урса, юнец молотил его, уверовав в победу. В его серых глазах плясало злобное веселье. С каким удовольствием Урс погасит его!

Публика, привыкшая к излюбленной тактике Урса, молча следила за боем. Только несколько молодых парней – по-видимому, группа поддержки противника Урса – вопили что-то агрессивно-подбадривающее.

Урс, тяжело ступая, отошел в угол ринга, помотал головой, будто не соглашаясь с началом боя. Когда Медведь поднял голову, его противник невольно попятился. Урс оскалил зубы в жуткой усмешке. В тусклом свете арены, в густых тенях он выглядел чудовищем из страшной сказки.

Урс хлопнул в ладоши. Он поднял руки вверх; на правой отставлены указательный и средний пальцы, на левой – только указательный. Урс пообещал зрителям, что уложится в 21 удар. Отсчет пошел.

Первый – в челюсть. Голова дурака мотнулась влево, в темноту за рингом полетели осколки зубов. Второй – в мускулистый пресс, похожий на стиральную доску. Юнец сложился пополам, сплюнув кровь на грязный пол. Третий – коленом в лоб; враг повалился на спину. Услышав тупой громкий звук, Урс рассмеялся. Он любил музыку костей; он знал их язык и умел говорить на нем. Шестой – Урс прыгнул на юнца и впечатал обе ноги в промежность. Татуированный взвыл. Его крик отскочил от невысокого потолка и оживил толпу. Люди встали со своих мест и заголосили. Они поняли, что Урс приступил к своей страшной работе. Семь, восемь, девять, десять, одиннадцать, двенадцать – град ударов по голове. С разбитого лица на Урса глянули глаза, полные стра-

ха и отчаяния. Сколько таких взглядов повидал Урс за свою долгую карьеру? Разбитый рот шевелился, шептал какие-то слова. Поздно: бесполезно молить о пощаде, коли вышел навстречу поезду.

Урс поднялся и несколько раз пнул противника по голове. Оставалось еще семь ударов. Медведь ударил юнца тяжелым ботинком под ребра, чтобы ударов осталось шесть – он не доверял семерке. Толпа за рингом бесновалась и требовала крови. У него осталось немного пространства для маневра, поэтому последние удары должны быть максимально зрелищными.

Он встал на колени перед противником. Дурак перекатился на бок и свернулся калачиком. Он неуклюже попытался поставить Урсу подножку, но тот остановил жалкую попытку, истратив шестнадцатый удар.

Урс вывернул врагу руку и, стоя на коленях, вытянул ее вверх, привлекая внимание зрителей. Болельщики затаилась, выжидая. Урс левой рукой с силой сдавил чужую кисть – пальцы разошлись веером – и ударил по ней правым кулаком. Пальцы бросились врассыпную, с хрустом сломались, как сухие ветки. Урс загоготал: нет ничего слаще музыки костей. Юнец завыл, в вое угадывались оскорбления и брань. Урсу до этого не было дела. Его ждала работа, которую надо довести до конца. Два удара он употребил, чтобы сломать врагу обе стопы. Предпоследним перебил вторую ладонь.

Напоследок Урс подготовил для толпы нечто особенное. Он взял врага на руки, перехватил удобнее, присел и поднялся над головой. Толпа взревела. Кто-то прорывался к рингу сквозь бесстрастных охранников и визжал «Убей его!» Кто-то истерически хохотал. Какая-то женщина рвала на себе одежду; из порванной рубашки вывалилась грудь. Урс увидел бледные лица – товарищи побежденного. Тут и там взгляд выхватывал из толпы разочарованные физиономии – те, кто поставил против него. На что они вообще рассчитывали? Сегодня кто-то получил важный жизненный урок.

– Урс! Урс! Урс! – скандировали люди, и это заглушило все прочие звуки.

Под сладкий ритм своего имени Урс опустил тело на колени, поставив точку в музыкальной фразе костей. Позвоночник треснул, проигравший тряпичной куклой упал на пол.

Урс хлопнул в ладоши и заревел, приветствуя толпу. Люди бесновались, возбужденные сценой расправы. Всегда так – они никогда не устают. Они всегда хотят больше. Больше жестокости, больше крови, больше ярости. Сколько еще боев он должен выиграть, чтобы накормить этого ненасытного зверя?

Радость победы быстро стерлась, потонула во вдруг навалившейся усталости. Сейчас начнется самая отвратительная часть: тот, кто заплатит больше всех, поднимется на сцену и добьет бедолагу. Урс никогда не присутствовал при этом. Он спортсмен, а не убийца.

Медведь в шкуре человека сошел с ринга и побрел к выходу. Победивший и проигравший одновременно. Потерявший очередную частичку себя.

III

Марк пускал в мишень стрелу за стрелой. Мишенью служила тряпичная кукла, которую он выменял у сестры за пару яблок. Яблоки он своровал у соседа. Сестру их происхождение не занимало, а сосед вроде бы ничего не заметил, так что никто не остался внакладе.

Сначала Марк стрелял в точки, которые ему кое-как удавалось намалевать на стволах деревьев. Он часто мазал, и ему это быстро наскучило. Но дед Андрей посоветовал не бросать лук – мол, стрелой всегда добудешь себе пропитание. Просто начинать нужно с чего-то полегче, от больших мишеней переходить к маленьким. Марк послушался, раздобыл где-то несколько досок и прибил их к деревьям, соорудив крестообразные мишени. С крупными целями дело пошло поживее. Со временем точность повысилось, и успех породил желание закрепить результат. Мишени уменьшались, стрела Марка била пустые бутылки, старые горшки, соседские груши и яблоки.

Марк давно присматривался к сестринской куколке, несколько раз выпрашивал, торговался, пока не получил желаемое. Куколка интересовала его, потому что очень хоте-

лось подразнить сестру и покрасоваться перед ней. Здорово было бы просто взять куколку, подбросить ее высоко-высоко да сбить стрелой обратно на землю. Но сестру обижать не хотелось, вот и пришлось заключить честную сделку и приобрести игрушку по справедливой цене.

Благодаря тренировкам с куколкой он быстро набил руку и стал отлично справляться с движущимися целями. Пару раз ему удалось принести кролика на ужин. Все очень хвалили его, даже сестра, обычно безучастная к его увлечению, пробурчала что-то одобрительное.

Марк жил в семье волхва. Андрей, его дед, и два других старика, Василий и Степан, правили родом. Семья Марка ни в чем не нуждалась и могла предаваться праздности, как семьи других волхвов. Только им это было не по сердцу. Дед охотился, несмотря на свой почтенный возраст; отец, Сергей, работал с камнем; мать, Ольга, с сестрой, Любинькой, как и другие женщины, собирали ягоды, овощи и фрукты на общих полях. Марк шел по пути деда: склонялся к охоте, а не к ремеслу.

На поселок напали вечером. Марк с отцом ждали деда у капища, где волхвы, затаив дыхание (воздух внутри капища принадлежит богам), совершали ежевечерний тайный обряд. Мать и сестра, как и положено, остались в поселке, стряпали ужин. Марк, коротая время, упражнялся с куклой, но уже подустал и бродил вокруг, подбирая стрелы.

Со стороны поселка вдруг раздался крик, за ним – еще

один и еще. Тишина взорвалась – казалось, все жители загомонили разом; женские крики мешались с ревом мужчин. Но было что-то еще: какой-то ритмичный зловещий стрекот. Марк встревоженно переглянулся с отцом.

Отдернув полог, волхвы поспешно вышли из капища. Старики нахмурили брови. На лице деда Марк увидел новое выражение – страх.

– Автоматы, – прошептал дед незнакомое слово.

IV

Ася нежилась в кровати. Солнце ярко светило сквозь окно, грело лицо, заставляло жмуриться и закрывать глаза. Ася встречала новый день с улыбкой. Прикрываясь ладонью от яркого света, она повернулась к Диме. Дима спал, отросшие волосы смялись и разметались по подушке. Из открытого рта на подушку тянулась тонкая ниточка слюны. Ася была влюблена, и даже эта деталь отозвалась теплом в сердце. Дима, такой близкий, такой родной. Ее радость, ее опора, ее жизнь. Ее мужчина.

Ася потянулась, провела ногой под одеялом по его ноге, поросшей жесткими волосами. Дима крепко спал и не откликнулся. Ася чуть придвинулась к нему и поцеловала в небритую щеку. Дима отстранился, пробурчал что-то и удобнее устроил голову на подушке.

Как же она любила эти утренние пробуждения! Мир ка-

зался таким ярким, таким чудесным и наполненным смыслом – пусть и сводился к этим четырем стенам.

Дима был для нее всем миром.

Может, их страсть разгорелась так ярко, потому что была под запретом? И каждый новый день был ценнее предыдущего, потому что мог оказаться последним? Если бы они встретились при других обстоятельствах, полюбили бы они друг друга?

Ася отбросила одеяло, посмотрела на себя, на свое гибкое, молодое, полное сил тело. Живот еще не начал округляться, хотя она точно знала, что беременна. Ее тело (по крайней мере, пока) было совершенным, если не брать в расчет один-единственный изъян – механический протез вместо правой руки. Ася отправила мысленную команду этому чужому неотзывчивому куску железа. Железные пальцы откликнулись с едва заметной, но раздражающей задержкой. Ася покрутила указательными пальцами на обеих руках – протез отставал. Жизнь против машины: один – ноль.

Иногда Ася думала, что лучше бы у нее совсем не было руки. Но избавиться от протеза никак не решалась. Протез противоречил всему, во что она верила и что говорила. Дима несколько раз предлагал помощь: кто-то из его знакомых мог провести операцию. Ася всегда отказывалась. Она – человек, пока у нее две руки, пусть одна из них – игрушка. Без этой игрушки она станет калекой.

Ася села на кровати и потерла глаза, отгоняя сон.

Она собиралась пойти умыться и принять душ, когда начались неприятности.

Входная дверь вздрогнула, сорвалась с петель и влетела в комнату, с грохотом приземлившись у кровати. Ася вскрикнула, подтянула одеяло к себе, спрятав грудь. Дима вскочил, запутался в простынях, ничего не понимая со сна. В квартиру один за другим ввалились пять мужчин в синей военной форме. На лицах – защитные маски, в руках – автоматы. Последний – высокий, с болезненно-прямой осанкой, руки за спиной, маски нет – вошел торжественным и уверенным шагом, скрипя сапогами.

– Контроль, – прошептал Дима. Ася бросила на него испуганный взгляд.

– Служба контроля рождаемости. Канцелярия господина Ректора, – представился мужчина, вошедший последним. – Что это у нас тут? Молодые, красивые, голые. Два нарушителя. Будьте добры, назовитесь.

Холодные серые глаза медленно скользили по комнате. Ася невольно поежилась, когда почувствовала на себе этот рыбий взгляд – будто к ней прикоснулось отвратительное насекомое.

– Дмитрий, – сказал ее любовник, вскинув подбородок.

Голос дрогнул, выдавая страх, и движение получилось нервным. Короткая жестокая усмешка, пробежавшая по губам следователя, указала, что это не осталось незамеченным.

Помолчав, человек из службы контроля изобразил на ли-

це досаду и дернул головой, поправляя седую челку, упавшую на лоб.

– Настоящее имя, а не эти ваши... – он помедлил, брезгливо подбирая слово, – клички!

– ДЗ-2312, – сказал Дима.

– Вот, другое дело! ГГ-1489, руководитель оперативной Службы контроля рождаемости, к вашим услугам. – Он присел в издевательском поклоне. – Опер, как вы нас называете.

Несколько мгновений все молчали.

– А девушка?.. – опер вопросительно поднял бровь.

– Не ваше... – начал Дима.

Ася остановила его, успокоительно положив руку на плечо:

– АФ-1554.

Ася сама удивилась уверенности в собственном голосе.

– Замечательно! – следователь развел руки в стороны. – Осталось только уточнить одну маленькую деталь. Чем именно вы здесь занимаетесь? – издевательски протянул он.

Ася и Дима молчали.

– Давайте-ка я вам помогу, – усмехнулся опер. – В конце концов, строить предположения – моя работа. Я вижу, на вас нет одежды. Наверное, в этот холодный осенний день вы просто немножко замерзли. Обстановка, я погляжу, бедная, это значит, что денег на обогрев у вас нет. Как, впрочем, и на одежду. И вы раздобыли где-то это одеяло... Надеюсь, не украли?.. – погрозил он им пальцем. – А где теплота,

там и сон. Может, давление повышенное, я бы тоже не отказался прикорнуть. Сон – всему голова! Правильно я говорю, а? Нет ли изъяна в моих рассуждениях? Не спать! – Опер хлопнул по плечу одного из военных, направивших автомат на Асю и Диму.

– Нет, полная чушь, – раздался приглушенный маской голос. – Трахались они, разве не видно?

Следователь изобразил притворный ужас и отвесил военному шутиливый подзатыльник.

– Следи за языком, солдат! Да и как могли эти два очаровательных голубка предаваться такому постыдному и запрещенному законом занятию? Посмотри на них, они же как красавица и чудовище. Разумеется, красавица – это он, а она – чудовище. Посмотрите, что у нее с рукой.

Дима вскочил с кровати и бросился на следователя. Солдат встал у него на пути и ударил в грудь прикладом. Дима со стоном повалился на пол. Ася закричала.

– Тише, тише, – опер поднял руки вверх. – Ничего страшного не происходит. Вы на взводе, мы на взводе. Мы не будем принимать никакие меры, пока во всем окончательно не разберемся.

Ася чуть-чуть подвинулась к краю кровати. Там стояла тумбочка, в верхней полке лежал пистолет. Скорее всего, это их не спасет, но они хотя бы обменяют свои жизни на жизнь этого ублюдка.

– С другой стороны, – продолжал следователь, – мне де-

ло кажется совершенно прозрачным. Если я вижу книжку, на которой лежат очки, а рядом с ней – спящего дедушку, я могу с полной уверенностью заявить: этот дедушка только что читал книжку, она его утомила, и он заснул. Прошу меня извинить, но я уверен, что у мужчины и женщины под одеялом не так уж много совместных занятий.

Следователь снова тряхнул головой, поправляя прическу, и похлопал в ладоши.

– Вердикт: виновны. Приговор: смерть. Привести в исполнение, немедленно.

Солдаты сделали полшага вперед. Ася протянула к тумбочке механическую руку и рванула на себя верхний ящик.

V

Проповедник, отец Григорий, вещал с деревянной сцены и все больше распалялся. Жестикуляция становилась агрессивнее, голос – громче, речь – сбивчивее. Из каркающего рта на первые ряды слушателей летела слюна, и Петр невольно порадовался, что пристроился сбоку.

– Настали последние времена, услышьте меня, люди добрые! – кричал проповедник. – Наши урожаи скудеют, наши жены рожают уродов, наши города лежат в руинах. Скоро придет он, наш искупитель и спаситель! Явится нам во славе и заберет нас на небо, где мы будем радоваться, нежиться в лучах его славы, работать и после благородного труда вку-

шать хлеб и козий сыр!

Петр скривился. Что за детские сказки? Один раз ему удалось раздобыть козий сыр на черном рынке, и так он обеспечил себе, наверное, самый худший ужин в жизни. Это не говоря о том, что он истратил на него существенную часть своих сбережений. Потом пришлось несколько месяцев кое-как перебиваться.

Игра стоила бы свеч, если бы сыр не оказался такой дрянью. Петр хотел произвести впечатление на даму, чью осаду он тогда весьма успешно вел к победному финалу. Сыр вонял и, казалось, был сделан не из молока, а из козьего дерьма. Дама, приготовившаяся вместе с ним вкусить заветное яство, обвинила Петра в скупости и попытке выдать тухлятину за деликатес.

Осада окончилась сокрушительным фиаско, Петр лишился и женщины, и денег. Он подбил глаз продавцу и, увлекшись, едва не порешил беднягу, вымещая нерастраченную сексуальную энергию. Спасая жизнь, продавец пообещал отвести Петра на подпольную ферму, где содержалась пара коз. Так Петр убедился, что сыр настоящий, но затяжной кризис веры, в котором он пребывал, от этого только усилился. Если на небесах так кормят, лучше оставаться на земле.

– Там, на золотых полях, – не унимался проповедник, – мы будем работать! И каждый получит по справедливости! Каждому воздадут по его трудам!

Тоже спорный момент. Все зависит от того, в каком виде

люди попадают на эти золотые поля. Если он окажется там, — а Петр очень на это рассчитывал, — в глубокой старости, то работать много он не сможет. То есть будет получать меньше тех, кто попадет на небеса в лучшей форме. Или произойдет некое чудо, и после смерти все помолодеют? Опять не сходится: как быть тем, кто умер в младенчестве?

Проповедник поднял над головой руки, в которых сжимал молоток и серп, символы веры. Люди зашептали слова молитвы, вторя истерическому голосу проповедника. Петр присоединился: если очень уж выделяться, можно нажать кучу проблем.

Ход молитвы нарушили громкие хлопки. Все затихли и повернулись к нарушителю, полные злобного негодования. Проповедник взвился и чуть не упал со сцены, сокрушенный подобной наглостью.

Толпа отпрянула от выскочки, дерзнувшего посмеяться над святым человеком.

Нарушитель оказался невысоким мужчиной с неприметной внешностью, одетый в простой рабочий комбинезон. Длинные мышинные волосы прикрывали уши и падали на щеки. Что-то не так было с носом, отчего лицо казалось несимметричным. Петр с интересом подался вперед. Было в позе незнакомца что-то неуловимое, властное, как будто бы он имел право делать то, что делает.

Незнакомец откашлялся и, улыбнувшись уголком рта, заговорил:

– Как мы узнаем спасителя?

Проповедник хотел что-то сказать, но не нашел слов и в ярости просто хлопал ртом, как рыба, выброшенная на берег. Собравшись, он выпалил:

– В древних книгах сказано: по когтю узнаешь льва. Спаситель явится в свете и блеске, и, значит, мы даже не сможем смотреть на него, как не можем смотреть на солнце. – Он обратил к наглецу лицо, искаженное гримасой презрения. – Кто ты вообще такой? Какое право ты имеешь нарушать нашу молитву?

– А если я скажу, что все это ложь и чушь собачья?

– Охрана! – крикнул проповедник, наставив на нарушителя длинный указательный палец с грязью под ногтем. – Разберитесь с ним!

От дверей отделились две большие грозные фигуры и двинулись в сторону смутьяна. Незнакомец оказался проворнее: в два прыжка он подскочил к сцене и запрыгнул на нее, оказавшись рядом с ошарашенным проповедником.

– Я и есть тот, кого вы ждали. И я вами очень, очень недоволен, – сказал он.

Толпа ахнула, громилы поспешили к сцене, расталкивая людей.

– Я знаю, вам нужны доказательства. Пожалуйста! – сказал безумец и выхватил серп из руки отца Григория. Тот в страхе отшатнулся, но недостаточно быстро. Молоток упал на дощатый пол с глухим стуком.

Смутьян сделал к проповеднику быстрый шаг, развернул спиной к себе, лицом к пастве, и полоснул серпом по горлу. Кровь фонтаном брызнула из раны, окрасив первые ряды красным. Громилы, подошедшие к сцене, замерли. Все в ужасе замолчали. Потом зал наполнился криками, все бросились к выходу. Петр прижался к стене, напуганный, но заинтригованный.

– Тихо! – крикнул безумец и наставил серп на охранников: не приближайтесь. – Прошу минуту вашего внимания. Сейчас будет чудо!

Если бы Петр не видел это своими глазами, он ни за что не поверил бы – даже если бы ему рассказали об этом сто человек. Незнакомец провел рукой по страшной ране, и она исчезла. Голая шея, ни пятен крови на одежде, ничего. Проповедник закричал, вырываясь. Незнакомец его отпустил, и тот полетел со сцены, прямо на обескураженную охрану.

Люди застыли в нерешительности. Давка у входа прекратилась.

Незнакомец заметно побледнел. По-видимому, чудо отняло у него много сил. Ноги его подогнулись, он сделал несколько неверных шагов по залитой кровью сцене – отсюда кровь никуда не делась.

– Ну, чего ждете? – сказал он тихим голосом. – На колени! Первыми приказ выполнили охранники, привыкшие к подчинению. Затем несколько женщин увлекли за собой своих мужчин и детей. Скоро все в зале стояли на коленях –

за исключением Петра, который в оцепенении стоял, вжавшись в стену, и не знал, что делать.

– А, привет, Петр! Я за тобой пришел. Пойдешь со мной, – слабо улыбнулся ему спаситель со сцены и помахал рукой.

Глава 2

I

Таши глядели из окна на нарядную церковь, к которой тянулись тонкие человеческие ручейки. Женщины – в платках, мужчины – в шляпах, прикрываясь от непогоды. Мужчины галантно пропускали дам у дверей, снимали шляпы, подчиняясь древнему обычаю. Это религиозное и одновременно светское действо вызывало невольное участие: островок спокойствия в свихнувшемся мире. И здание было под стать, небольшое, но величавое, строгое, но наивное, похожее на шарики мороженого в вафельном рожке. Умели раньше строить – красиво, практично, на века. Церковь просто-яла невесть сколько и еще столько же простоит. Говорить о конкретном времени теперь затруднительно, поэтому прогнозы так дорого стоят. А Таши специализировались на прогнозах.

– Смотри-ка, все идут, – сказал Таш.

– Ага, – сказала Таша. – И все им ни по чем. Как думаешь, много у кого начался кризис веры, когда экран погас?

Таш прищурил глаз, делая вид, что производит расчеты.

– Ставлю на ноль целых пять десятых процента, – подытожил Таш. – Но это только ради того, чтобы поспорить. Ес-

ли бы пришлось делать ставки, я бы поставил на ноль.

– Зеро, – усмехнулась Таша.

– Только вряд ли мы что с этого выручили бы. Это и так всем понятно.

– М-да, – скучно протянула Таша. – Религия у людей в крови.

– Стадное чувство.

– Опиум для народа.

– Но, надо признать, обставили они это эффектно, – сказал Таш.

– Думаешь, это подстроено? – Таша подняла бровь.

– Да. Но судя по реакции солдат – власти тут не при чем, – сказал брат. – Ну или что-то в политике сильно поменялось. Все, конечно, может быть. Только власть обычно не отличается находчивостью. Максимум, что они могут сделать, так это под каким-либо предлогом отменить выборы. Политика – то еще болото.

– Со старыми жирными жабами, – добавила Таша.

– Образно, – похвалил Таш, покосившись на сестру, – но на грани богохульства. Даже за гранью. Не забывай, теперь все наши высшие чины избраны богом.

– Скажем «Аллилуйя»! – могильным голосом произнесла Таша.

– Мыслепреступление! – Таш шутливо хлопнул Ташу правой ладонью по лицу.

– Скажем «Аминь!» – не унималась Таша.

– Дважды!.. – захохотал Таш и схватил сестру за ухо.

– Эй, это же моя рука тоже! – возмутилась Таша.

– Зато ухо только твое! – брат с силой потянул.

Таша взвизнула и щелкнула левой рукой брата по носу.

Оба рассмеялись и отошли от окна, бросив сверху вниз прощальные взгляды на богомольцев.

Квартира, в которой жили Таши, призвана была пускать пыль в глаза. Таши хорошо зарабатывали и не стеснялись тратить деньги. Возможно, так они компенсировали свой изъян. Возможно, таким странным образом проявлялось их чувство юмора. Антикварная мебель своей безвкусыностью раздражала даже самих близнецов, но цена искупала все. Картины, купленные втридорога, оригиналы и самые известные копии, висели по всему второму этажу и собирали пыль, потому что близнецы не заботились об их сохранности и не очень любили убираться. Люстра, освещавшая квартиру, способна была посрамить какой-нибудь театр – жемчуг, чистейший хрусталь и некое особенно редкое стекло, – и при этом напоминала дешевую новогоднюю елку, прикрепленную к потолку.

Каждая мелочь в обстановке кричала о своей дороговизне, но картина в целом выходила абсурдная, как будто Таши обставляли квартиру с единственной целью – бессмысленно потратить деньги.

Стремление к роскоши не всегда безопасно и может привлечь нежелательный интерес. У близнецов были могуще-

ственные друзья и, что важнее, они сами активно распространяли слухи о том, что такие друзья есть. Любой злоумышленник, если ему в голову закрадывались нехорошие мысли в отношении богачей, начинал фантазировать и представлял себе настолько влиятельную поддержку, что желание связываться с близнецами отпадало само собой.

Таши проскользнули мимо зеркала в большой вычурной раме. В отражении мелькнул привычный двуглавый силуэт. Близнецы бросились на старый диван, по заверениям продавца, принадлежавший когда-то царской семье. Они его выбрали из-за золотого двуглавого орла, вышитого на спинке. Орел со временем побурел, а подушка протерлась. Интересно, сколько влиятельных задов постарались над этим?

Диван был маленький и жутко неудобный, и Таши заерзали, подыскивая удобную позу.

– Знаешь, Таша, – брат нарушил молчание, – те цифры все не дают мне покоя.

– Да ладно тебе, это просто цифры.

– А если нет? Вдруг это какое-то послание?

– Ага, на три буквы.

Таш невольно улыбнулся и продолжил:

– Вдруг подполье все-таки существует?

– А там сидит человек и пишет записки.

– Мимо, – поморщился Таш. – Интеллектуально, но метечково.

– Чем богаты, – зевнула Таша.

– Представляешь, что можно было бы сделать, если бы подполье существовало?

– И поклонялось бы микроволоновке вместо телевизора?

Таш пропустил мимо ушей саркастическое замечание сестры:

– С их помощью, с нашими деньгами, с нашим умом мы могли бы перевернуть все вверх дном!

– А зачем? Посмотри, они и так всем довольны! Ходят вон, молятся. – Таша небрежно махнула рукой в сторону окна. – Перевернуть!.. Чтобы что? Чтобы поменять экран на тостер?

– Не смешно было еще в первый раз.

– В первый раз была микроволновка.

– У тебя какие-то голодные метафоры. Ты есть что ли хочешь?

– А ты нет?

– Спрашиваешь? У нас же один желудок на двоих.

– Ну так давай наполним его.

– Давай! Сходи, приготовь нам чего-нибудь.

– Уже бегу!

Оба прыснули и рассмеялись.

– Таша, я серьезно, – по дороге к кухне Таш возобновил разговор. – Всем нужна хорошая встряска. Нам с тобой тоже. Мы и так накопили уже больше, чем сможем потратить. Нам осталось купить только самого бога. А дальше-то что? Надо жить, надо двигаться. Надо собирать мир по кусочкам.

– Давай лучше разорвем на кусочки вот это, – сказала Таш, доставая из холодильника мясной пирог.

– Нынешнюю власть все устраивает, – распалялся Таш. – Им даже удобно такое положение вещей. По факту – это новое Средневековье.

Таша безразлично чавкала в ответ.

– Когда в последний раз кто-нибудь ходил к порталам? Когда вообще кто-нибудь сверху заикался о порталах?

– Да кому нужна эта древняя рухлядь? – вяло возмутилась Таша. – Смирись, братец, это знание утрачено, и нам его никогда не восстановить.

– Если сопротивление...

– Таш, ты такой фантазер, – перебила сестра. – Ну какое сопротивление? Ты где живешь? Сердце можно за три часа обойти по кругу. Тут всюду камеры и экраны. Власть так крепко сидит в своих креслах... или на табуретах... или на облаках! На чем они там сидят?

– Я к тому и веду, – нетерпеливо сказал Таш. – Если подполье есть, то оно скрывается на Полосе. Я бы на их месте прятался именно там.

Таша рассмеялась с куском пирога во рту, подавилась, из глаз брызнули слезы.

– Ох, насмешил, – откашлявшись, сказала Таша. – И как же они там живут?

– В том-то и дело! – Таш многозначительно поднял брови. – Может, они умеют делать то, что мы делать разучились?

– Постой-постой, – сказала сестра. – Я хочу убедиться, правильно ли я тебя поняла. Экран погас, на нем высветились цифры, и ты на основании этого развил целую теорию заговора? Да у тебя паранойя, братец, тебе к доктору надо. Вдруг это заразно?

– Ладно-ладно, – Таш примирительно поднял руку. – Давай хотя бы в библиотеку сходим. О большем не прошу. Есть у меня одна мыслишка. Хочу кое-что проверить.

Сестра пожала плечами, и получилось так, что брат пожал плечами тоже.

II

Урс выдохнул струйку пара и поежился под пальто. Одежда мешала ему, сковывала движения. Куда удобнее было на ринге – на этом крошечном пяточке, по которому он мог скользить разъяренным зверем, рычать, хохотать во всю глотку, прикрытый только куском ткани в промежности. Цивилизация требовала от него каждый раз, когда он выходит из дома, натянуть трусы, майку и носки, засунуть свои ноги-колонны в брючины, сверху набросить рубаху или ввинтиться в колючий свитер, скрыться под курткой или пальто. Несколько слоев ткани не превратят зверя в человека, а Урс все реже чувствовал себя человеком. Без боя, без ринга он, профессиональный боец и костолом, – просто никто.

Урс шел в церковь за утешением и искуплением. Толь-

ко там он чувствовал: есть еще шанс обойти пропасть, которая пролегла между ним и всем миром. Но стоило вырваться из священной духоты, из благочестивого полумрака, как в каждом шаге он снова слышал звук удара, в щелчках затекших колен – хруст переломанной кости.

Сколько еще он сможет этим заниматься?

В дверях он притормозил, пропуская пару – мужчину и женщину, оба чуть старше Урса. Мужчина опасно кольнул борца взглядом, наклонился к своей спутнице, что-то прошептал, закончив нервным смешком. Спутница быстро глянула на Урса, тихо рассмеялась. Наверное, насмеются над моей несуразной фигурой, подумал Урс. Косая сажень в плечах, маленькая голова – очень смешно. Урс не обижался. Одно небольшое усилие, и весельчаки уже никогда не смогут улыбаться. Какое медведю дело до волчонка, тывающего вслед. Сила – мать терпимости.

Урс ввалился в темный зал, теплый и душный, наполненный запахом ладана. Всюду – парочки, как будто они сюда на свидание ходят. Наверное, так оно и есть. Урс увидел нескольких влиятельных чиновников под руку с молодыми женщинами. Выгуливают своих куколок, выставляют напоказ, как дорогую вещь.

Свободных мест почти не было. Урс присел на край скамейки у входа. Он пытался сосчитать прихожан, но все время подходили новые люди, и Урс сбился со счета.

Рядом с ним тоже сидела парочка; эти – чуть помоложе.

Оба безразлично глянули на Урса и продолжили беседу полупшепотом. Урс подумал о Лизе: могли бы они быть вместе, вот так, как все остальные? Ходить в церковь, за покупками, потом – домой, вместе готовить ужин? Идиллия. Вот только что дальше? Смог бы он забыть, чем она занималась? Смог бы завязать с боями? Урс только усмехнулся в полутьме.

Люди вокруг не выглядели встревоженными. Наоборот, казалось, все пребывали в каком-то праздничном, радостном возбуждении. Как будто на днях не погас экран – главная реликвия Сердца и символ их веры.

К кафедре подошел священник – гомон стих. Святой отец поздоровался с паствой и начал проповедь. Снова про последние времена, снова – о гневе Божьем. Погасший экран – знак, что чаша его терпения преисполнена. Когда проповедь закончилась, все начали петь, чтобы вымолить прощение, и Урс пел вместе со всеми. Удивительный миг единения с незнакомыми людьми. Общая вера, искренняя или лицемерно выставленная напоказ, объединила богатых и бедных, старых и молодых. Урс пел, и ему чудилось, что его душа тянется изо рта вслед за звуками песни – вверх, к потолку, к небу, к богу – чтобы соединиться там с душами всех присутствующих и тех, кто был до них.

Молитва закончилась огорчающе быстро. Люди встали, потянулись к выходу. Несколько человек задержались у кафедры, о чем-то тихо заговорили со священником. Навер-

ное, об экране – о чем еще сейчас можно говорить? Урс заметил радостные улыбки на лицах тех, кто задавал вопросы. Видимо, священнику удалось их успокоить.

Урс слышал: когда экран погас, на нем появились какие-то цифры. Он очень этим заинтересовался, но никто толком их не запомнил. Говорят, в интерлинке появились фотографии, но власти сразу же их удалили. Урс предлагал знакомому бармену деньги за информацию – бармены знают все на свете, – но тот только отшутился.

Урс сидел на месте, пока зал не опустел окончательно. Потом грузно поднялся, зашагал к кафедре. Священник перебирал какие-то бумаги, из-под очков поглядывая на Урса.

– Здравствуйте, святой отец! – Урс приветственно кивнул головой.

– Здравствуй, Руслан! – улыбнулся святой отец и наклонил голову, разглядывая борца.

– Урс, – поморщился костолом. – Пожалуйста, святой отец, зовите меня Урс. Я не чувствую себя Русланом.

– А я не чувствую себя святым, – улыбнулся священник.

Урс хмыкнул, священник хохотнул в ответ.

Борец сунул руку в карман и вытащил оттуда увесистую пачку денег, перетянутую резинкой, бахнул рукой по кафедре.

– Пятьдесят тысяч. Как обычно.

– Ну-ка, ну-ка.

Сощутив глаз, священник быстро и тщательно пересчитал

деньги.

– Эх, Руслан, Руслан! – протянул святой отец. – Нехорошо обманывать старика! Здесь пятьдесят пять. Или ты считать разучился?

Священник хитро улыбнулся, указательным пальцем поправил очки на переносице и погрозил борцу.

– Это вам, – осклабился Урс. – В благотворительных целях.

– В благотворительных, значит. Это хорошо! Это правильно! – Одно быстрое, едва различимое движение, и пачка денег исчезла в складках одежды. – Ну пошли тогда. Заслужил. – Быстро добавил: – Пальто оставь здесь, пожалуйста.

Боец послушно разоблачился. Священник вышел из-за кафедры и повел Урса к не приметной двери за алтарем. За дверью оказался небольшой коридор с низким потолком. Урсу пришлось пригнуться, чтобы не удариться головой. Медведь знал путь как свои пять пальцев. С каждым шагом им все сильнее овладевало радостное возбуждение. Двадцать один шаг. Двадцать один – это три. А три – это число бога.

Священник остановился у металлической двери, склонился над ней, протянул к магнитному замку пластиковую карту, свисавшую на шнурке с шеи. Замок издал пронзительную трель, и дверь открылась. Священник отступил в сторону, пропуская Урса.

Крохотное помещение было перевито проводами, будто каким-то экзотическим выюном. Несколько больших мони-

торов, поставленные один на другой, мерцали неровным зеленым светом. По ним бежали буквы и символы, казавшиеся Урсу бессмыслицей. Всю стену напротив входа занимал матово-черный экран. Перед ним стоял старый деревянный стул. Урс протиснулся внутрь и уселся на него. Стул отозвался жалобным скрипом. За спиной священник прошептал несколько ритуальных фраз и закрыл дверь.

Когда экран вспыхнул, напряженное выражение на лице Урса сменила теплая улыбка. С экрана на него смотрел бог.

– Отличный бой, Урс! Я твой главный фанат! – сказал бог, кривя тонкие губы.

Урс смущенно дернул щекой вместо ответа.

III

Марк скользит по лесу. Быстрый, тихий, незаметный, как тень. Отец, дед и старики-волхвы где-то рядом, такие же стремительные и неуловимые – несмотря на разницу в возрасте. Жизнь в лесу примиряет человека с природой, учит приспособливаться, использовать свое тело и смекалку. Лес будит в человеке животное – безразличное в сытости, злое по необходимости, яростное в опасности.

Сердце бешено бьется, в крови мешаются страх и гнев. Крики все ближе, рев неведомого зверья глушит уши. Дед назвал их «автоматы». Что это за звери? Не важно – какими бы они ни были, Марк накормит их стрелами.

Мальчик на секунду останавливается, в руке – кукла, за спиной – лук и колчан с десятком стрел. Он отбрасывает куклу, и в этом жесте – больше, чем необходимость освободить руки. Мальчик прощается с детством. Он выходит на войну и становится мужчиной.

Кукла глазами-крестиками смотрит из травы, как мальчик карабкается по дереву – вверх, выше и выше, как белка. Это их последняя встреча. Вряд ли они будут скучать друг по другу.

Марк перескакивает с ветки на ветку, перетекает между стволов. Семья в опасности! Мысль придает сил, но от нее в животе холодно и волосы встают дыбом.

Лес стеной упирается в поселок. В поселке – переполох. Кричат женщины, плачут дети, все бегут куда-то. Посреди беспорядка – десять человек странного вида. Черная облегающая одежда, большая грязная обувь, на головах – блестящие круглые шапки, в руках – какие-то дымящиеся бревна или палки. К чужакам с ревом бегут трое бородачей, размахивают топорами. Марк щурится, узнает всех троих: плотник Славка и два лесоруба, братья Косматые, названные так за нелюбовь к стрижке. Чужаки вскидывают свои палки, наставляют на поселян – палки загораются с одного конца, трещат. Славка и братья-лесорубы падают разом, как будто по ним косой прошли. Колдовство! Одному теперь могут Косматые радоваться – никто их больше к брадобрею не погонит.

Страх подступает к горлу, глаза ищут родные лица – не видно. Спаслись или погибли? Изба вон, рядом совсем, вторая от леса, вроде нет рядом душегубов. Мальчик молится всем богам, и боги отвечают, льют в сердце ярость.

Марк в уме пересчитывает стрелы – десять. Маловато, но на врагов как раз хватит. Он видит в этом обещание, знак богов.

– Стой! – шепчет дед на ухо Марку. Марк вздрагивает от неожиданности и едва не валится с дерева. Крепкая дедова рука держит его на месте.

– В головы им не стреляй, – учит дед. – Это шлемы у них. Очень крепкие. – Дед легко стучит себе кулаком по голове, поясняя. – Лучше сбоку к ним зайти. Грудь у них защищена, а в ногу – не убьешь. В бок – самое оно, там их доспех соединяется. Глаз нужен, но у тебя хороший глаз. Видел, как ты стрелял.

Марку приятно от слов деда, но теперь на нем тяжелый груз – не подвести, сделать все правильно.

– Стреляй и сразу прячься. Хотя бы одного положишь, большая помощь нам будет, – говорит дед и исчезает в листве.

Марк тихо карабкается по деревьям, идет в обход, чтобы удобнее было ударить врага по слабому месту. «Хотя бы одного!» – стучит в голову. Обидно! Марк решил забрать жизни трех. Тогда он станет героем. Будет ему почет и уважение. Может, дед и другие волхвы назовут его мужчиной – без об-

ряда.

Враги начинают разбредаться по поселку. Смеркается, тени на глазах тянутся, чернеют. Плохо – Марк спешит, целится в ближайшего, натягивает тетиву...

Меж изб мелькает страшное: черный человек тащит сестричку за волосы. Сестра кричит, извивается. Чужаки смеются. Мать бросается к душегубу откуда-то из тени. Он небрежно бьет рукой – мать летит в сторону, падает в пыль, юбка постыдно оголяет ноги.

Марк чувствует, как в голове что-то ломается. Черный занавес опускается на глаза. Зубы жмут кровь из губы. Уголки рта тянутся вверх в болезненном оскале.

Марк падает на землю. Дерево за спиной шумит, шевелит ветвями. Он больше не пытается двигаться тихо. Он смотрит вниз, ноги мелькают, бегут, несут его куда-то. Он смеется. Враг – впереди. Удивленное лицо в странной круглой шапке с отверстием. Марк выхватывает стрелу из колчана и, хоча, пускает ее в незнакомое лицо. Стрела обрывает свою короткую песню, выбивая вражий глаз. Мир вокруг кривится, избы пляшут, люди возносятся на небеса. Марк смотрит вверх и видит двенадцать исполинских фигур. Боги, мужчины и женщины, князья князей. Они сурово глядят на него, оценивают, и в золотых глазах он видит участие. Боги кивают ему, приветственно поднимают руки. Вихрь подхватывает Марка и увлекает за собой. Марк крутится юлой и смеется в восторге. Вокруг все замедляется, воздух дрожит, в глазах

рябит радуга. Враги движутся, как улитки. Марк лениво шагает от одного к другому, наслаждается поломавшимся временем. Он видит все детали: собственное отражение в чужих глазах, нити слюны в удивленных круглых ртах, комья грязи на сапогах. Стрелы оживают и летят по немыслимым кри-вым, жалят врагов в уязвимые места. Десять стрел, десять укусов, десять ран, а кажется – тысяча.

Десять тел. Все кончено. Люди опасливо выступают из теней. Мать и сестричка смотрят на него, бледные, в глазах – слезы. Отец и дед выходят из-за деревьев, переглядываются.

Вязкая тишина взрывается криками. Радость, плач, женский причет. И Марк с удивлением понимает, что над гвалтом поднимается его имя, повторенное множество раз.

IV

Механическая рука отозвалась с задержкой. Железный протез ударился о тумбочку, чужие пальцы сжались и разжались, как клешня в автомате с игрушками. Застрекотало оружие, и Ася, спасаясь, скатилась с кровати. Одеяло соскользнуло вместе с ней, обнажая Диму. Димин крик перешел в булькающий стон. Он сидел, ужаленный дюжиной пуль. Напряженное тело расслабилось, руки безвольно упали на смятые простыни, испачканные кровью – красное на белом. Дима, ее Дима, ее мужчина, ее радость – больше не человек, а сломанная игрушка.

Ася беззвучно заплакала. Мир вывернулся наизнанку: счастье превратилось в горе, жизнь – в смерть, голос – в тишину. В животе завертелась боль, но она не могла заглушить страдание от раны на сердце. Димы больше не было. Он никогда не обнимает ее, не пошутит, не скажет, какая она красивая. Не увидит их ребенка.

Длинный список дел, которые никогда не будут сделаны, разворачивался перед ее глазами, пока солдаты переминались с ноги на ногу, не решаясь убить девушку. Оружие дрожало в их руках, строгость ушла из глаз – теперь в них читалась растерянность. Ася была слишком красива, чтобы ее убивать – даже несмотря на искусственную руку. Каждый из них согласился бы с тем, что она не сделала ничего дурного. Более того, каждый был бы не прочь нарушить с ней закон. Зависть помогла им расстрелять бедолагу, но убить девушку оказалось труднее.

Следователь двинул ближайшего солдата кулаком в плечо.
– Ну, что залюбовались? Закатывайте губу и кончайте ее! Закон есть закон! – пролаял он с выражением отвращения на лице.

Солдаты неуверенно подняли автоматы.
– Живее! Живее! – шипел опер, вытягивая пистолет из кобуры на поясе. – Не заставляйте меня все делать самому. Ненавижу мокруху.

Его слова доносились до Аси откуда-то издалека. Их значение прояснилось не сразу, но когда это произошло, Ася

вдруг испытала невероятную тягу к жизни. Ей стало тошно от мысли, что сейчас она, АФ-1554, Ася или Асечка, как ее называл Дима, – все-все, что она из себя представляет, – брызнет из дыры в голове и навсегда исчезнет, превратившись в грязь. Ася очень захотела жить – и это было одновременно и эгоистическое желание, и внезапно осознанное чувство ответственности за маленькую жизнь, зреющую внутри нее. Она должна выжить, чтобы родить ребенка, чтобы сохранить память о Диме, об их любви.

Путь к спасению оказался таким простым, что она едва не рассмеялась от облегчения. Пистолет, запертый в тумбочке, не спасет ее. Ее спасет слово. Одно-единственное слово. Слово, которое она ненавидела больше всего на свете.

– Ректор, – прошептала Ася.

Опер навел на Асю пистолет, выжидательно глядя на подчиненных – кто первый? Услышав, что Ася что-то произнесла, он дернул головой, поправляя прическу, и прищурился:

– Что? Что ты сказала?

– Ректор, – повторила Ася. – Я дочь ректора.

Следователь провел языком по губам и нахмурился. Он посмотрел на солдат. Все отвели взгляд, только один не прятался. Впрочем, ничего дельного, судя по всему, он сказать не мог: смотрел испуганно, будто вот-вот наложит в штаны.

Забавная ситуация, подумал следователь и улыбнулся. Опер закрыл один глаз и взвел курок. Ему предстояло принять непростое решение.

V

Петр вжался в стену. Сердце скачет бешеным галопом, голова пустая – ни одной идеи, как поступить. Странный человек на сцене, кровь на его одежде, окровавленный серп в руке, люди вокруг, склонившиеся в поклоне. Образы из кошмарного сна.

Беда в том, что это не сон.

Петр смотрел на безумца, безумец смотрел на него. Петр начал вяло соображать. Ожидается, что он что-то ответит? Что тут вообще можно сказать? Отмочить какую-нибудь шуточку? Шутка – это всегда хорошо. Петр всю жизнь использовал шутки как щит. Чем страшнее тебе становится, тем шире улыбайся и болтай побольше – сумеешь сохранить лицо. Вот только ничего путного на ум не приходит – только какие-то глупости вроде «Привет! А мы тебя уже заждались!» или «Мы знали, что без тебя все равно ничего не начнется».

Путанные мысли прервал какой-то булькающий звук. Звук повторился, полетел к потолку, заскакал по залу, повторенный эхом. Смех. Громкий идиотский смех. Петр узнал голос – Гаврила, сын Ленки-молочницы, местный дурачок. Люди невольно обернулись на звук – испуганные, искаженные страхом лица. От всеобщего внимания Гаврила чуть замешкался, икнул, громко пустил газы, отчего расхохотался пуще прежнего. Мать положила ему руку на плечо, прильну-

ла к уху, что-то тревожно зашептала.

Люди переводили напряженные взгляды от Гаврилы к безумцу на сцене и обратно. Человек с серпом бесстрастно смотрел куда-то поверх голов. Потом по лицу поползла жуткая невеселая усмешка. Он приснул, испустил смешок и, сложившись пополам, визгливо загоготал. Люди начали облегченно переглядываться, тут и там мелькнули неуверенные улыбки.

Тишина тяжелой балкой обрушилась на зал. Незнакомец внезапно замолчал. Все разом стихли. Даже Гаврила-дурачок закрыл рот и глупо захлопал глазами.

– Что тут такого, вашу мать, смешного?

Голос тихий, вкрадчивый, жуткий. Петр почувствовал, что надо бежать, но ноги сделались ватными. Это сон, просто кошмарный сон, лгал он себе и не верил в свою ложь. Блеснул серп. Петр понял: если еще раз увидит, как кому-то пускают кровь, свалится в обморок, как девчонка.

– Что смешного? Что тут смешного, я сказал? – взвизгнул со сцены сумасшедший.

Он спрыгнул вниз, к людям, пнул отца Григория, сидящего у сцены и держащегося за голову, схватил за ворот охранника, приставил к лицу серп. Острие вжалось в щеку, выдавило капельку крови. Охранник в страхе издал бессвязный не то крик, не то стон.

– Кто тут вздумал надо мной потешаться? Признавайтесь, или ему конец!

– Да вон, Гаврила это, – дрожащим пальцем указал на сына молочницы второй охранник. – Ты это, полегче, мужик. Обо всем можно договориться по-хорошему.

– А если я не хочу по-хорошему? – сказал незнакомец, отталкивая охранника. Тот споткнулся о хнычущего священника и растянулся на полу.

Безумец заткнул серп за пояс и пошел через зал, выставив руки и кистями касаясь голов людей, как мальчик – колосьев пшеницы на поле. Перед Гаврилой и его матерью он остановился. Идиот бессмысленно водил глазами, а молочница дрожала, обнимая сына. Странная сцена – Гаврила был раза в два крупнее матери.

Незнакомец вытащил серп из-за пояса, присел на корточки и положил оружие на пол перед собой. Взял Гаврилу за подбородок, повернул его лицо к себе, заставляя мужчину сосредоточиться.

– Не трогайте его, пожалуйста! Он у меня один! Он хороший, просто умом не вышел...

Мать попыталась защитить сына – получила звонкий удар по лицу.

– Руки! – крикнул незнакомец.

Молочница замолкла, прижала ладонь к ушибленной щеке и с ужасом уставилась на обидчика. Соседи отводили глаза, трусили. Гаврила заплакал – понял, что его маму обидели.

– Ну-ну, ты же большой мальчик, – сказал безумец. – Не плачь. Давай знакомиться!

Гаврила посмотрел на него пустыми глазами. Изо рта по небритому подбородку побежала слюна. В глазах копилась слезы. Незнакомец взял его голову в ладони и приблизил к нему свое ухмыляющееся лицо.

– Меня Иса зовут, – сказал он. – Вообще-то это не мое имя, но я уже привык. А тебя как?

В глазах Гаврила блеснуло понимание. Влажные полные губы расплзлись в широкой улыбке.

– Гав-ри-ла, – по слогам произнес идиот.

Иса потрепал его по щекам. Гаврила нахмурил брови, пожевал губами и произнес:

– Ты ма-му оби-дел. Пло-хой!

Иса фыркнул, подхватил серп с пола и поднялся на ноги.

– Будьте как дети! Смиренные наследуют землю! Дети – цветы жизни, и все такое прочее, – сказал он, широко расставив руки.

В этот миг несколько женщин из последних рядов вскочили и бросились к двери. Иса стрельнул взглядом, двери захлопнулись, беженки ударились в дверь и в отчаянии застучали по ней кулаками. Дверь не поддавалась, как будто снаружи ее подперли камнями.

– Куда это вы собрались? – возвысил голос Иса.

Женщины обернулись и вразнобой закричали:

– Выпусти нас! У нас дети! Мы ничего не сделали!

– Тс-с-с! – Иса приставил указательный палец к губам. – К чему весь этот шум? Я пришел вас судить. Очередь дойдет

до каждого. Каждый виноват! За исключением Петра. Вот он – просто святой.

Безумец подмигнул Петру. Петр еще сильнее вжался в стену, выдавил вымученную улыбку. Поймал несколько подозрительных, недоверчивых взглядов.

Незнакомец вернулся к сцене, устало присел на нее, одна нога – на полу, другая болтается в воздухе.

– Хочу преподать урок, – начал Иса. – Урок милосердия. Вы вот тут молитесь, о чем-то просите, что-то предлагаете взамен. Но все не так устроено. Там, – Иса указал вверх, – нет ничего. Там только темнота. Такая же, как в ваших душах. Слова о доброте, братской любви – все это чушь. Вы все – жалкие лицемеры. А этот, – безумец плюнул в сторону проповедника, – просто шут гороховый. Не удивлюсь, если он потрахивает своего племянника. Вы звали кого-то, кто придет и спасет вас. Вот я и пришел. Я принес настоящее освобождение. Вы просили спасти вас? От чего? Чего вам не хватает? Вы живы, у вас есть еда, у вас есть одежда. Что вам еще нужно, вашу мать? – закричал Иса. – Я – ваше спасение! Я – это смерть.

С этими словами Иса приставил серп к лицу и улыбнулся. «Кошмар какой-то», – подумал Петр.

Несколько женщин заплакали. Петр увидел: в глазах мужчин тоже стоят слезы. Гаврила хрюкал – то ли плакал, то ли смеялся. Всюду – напряженные, бледные лица.

– Вот вам задачка, – сказал Иса громким театральным ше-

потом. – Я убью каждого мужчину в этом зале. Каждого! Кроме Петра, разумеется, – Иса отвесил Петру шутовской поклон. Петр сглотнул слюну. – Или же я перережу глотку Гавриле. Проявите же милосердие. У вас десять секунд. Тик-так, вашу мать.

Глава 3

I

Библиотека – большое приземистое здание с квадратными колоннами, серое, мрачное. Поверху по каменной крыше бежал когда-то богатый барельеф; время испортило его, обтесало каменные фигурки. Сейчас библиотека походила на мавзолей или гробницу, чем по сути и являлась: забытая мудрость, памятник достижений, которым нет места в изменившемся мире. Рядом стремились в головокружительную высь небоскребы, и их соседство превращало библиотеку в старую черепашу, вжавшуюся в землю, брошенную умирать в тени исполинских сосен-домов. На небольшой каменной площадке перед входом доминировал памятник древнему писателю. Хмурый бородатый старец сидел на камне в неудобной позе, напряженный, сосредоточенный предвестник беды.

– Грузите апельсины бочками, – сказал Таш.

– Братья Карамазовы, – хихикнула Таша.

Близнецы стояли у лестницы и глядели на памятник снизу вверх, кутаясь в плащ с капюшоном. Редкие в этой части Сердца пешеходы скользили по ним взглядом и в ужасе отшатывались – мало кто выносил присутствие близнецов без

отвращения. Таши считали это естественным и давно привыкли. Не всякий разглядит красоту в безобразном, ровно как и наоборот.

– Я предпочитаю «Бесов».

– Потому что ты идиот.

– Как тебе не стыдно! Мы же с тобой бедные люди...

– Униженные и оскорбленные.

– Мы должны друг друга поддерживать!

– Скажи еще, что у тебя слабое сердце.

– А как же! Как у любого игрока.

– Значит, и у меня тоже...

– Конечно, ты же мой двойник!

Таши рассмеялись и поднялись по лестнице. Внутри библиотеки было темно. Затхлый запах, плесень, старая бумага. Дряхлая библиотекарьша подковыляла к стойке, когда Таши позвонили в звонок. Повозилась с очками, висевшими на шнурке на шее, протерла их, подышала на стекла и водрузила на нос.

– Чего вам?..

Охнула, глаза за очками расширились, старушка подалась назад.

– Не бойтесь, – пожал плечами Таш. – Мы близнецы. Очень редкий случай. Две головы – одно тело. Мы привыкли, что на нас реагируют...

– Болезненно, – подобрала слово Таша.

– Может быть, вы о нас передачу видели по телевизору.

Про нас часто крутят сюжеты в разных передачах о...

– ...неестественном, – сестра снова закончила фразу. – И мы были, наверное, на всех шоу, которые идут в прайм-тайм.

Брат кивнул в знак согласия.

– К-кажется, припоминаю, – чуть оживилась библиотекарша. – На Центральном вас видела.

– Ага, мы были в гостях у Чахлого...

– На «Чудо-Барабане»...

– «Кто хочет стать богаче» с Палкиным, ну и так далее.

Лицо старушки прояснилось. На смену отвращению пришло осторожное любопытство – Таши перечислили все ее любимые передачи.

– Да-да, замечательно! – ответила библиотекарша, вливая в дежурную улыбку толику теплоты. – Так чем могу помочь?

– Нам нужно в компьютерный зал, – сказал Таш.

– Что конкретно вас интересует? – И принялась перечислять – монотонно, как автомат. – Газеты и журналы? Цифровые копии? Архив блогов? Примитивные игровые системы?

– Нам нужно посмотреть старые карты.

Старушка стрельнула глазами куда-то за плечо Таши, губы задрожали и вытянулись тонкой ниточкой.

– С какой целью интересуетесь?

Таши переглянулись.

– Мы историки-любители, – сказал Таш.

– Помимо наших прочих талантов, – протянула Таша.

– Хотим написать книгу по истории мира до Перемены.

– У нас есть отличные книги по истории, которыми вы сможете воспользоваться, – взволнованно затараторила старушка. – И книги можно взять с собой. Вам так будет удобнее. Пометки можно сделать, копии...

– Мы пишем что-то вроде вольной истории, – махнул рукой Таш. – Нам было бы достаточно посмотреть электронную карту...

– Одним глазком, – прищурилась Таша.

– Тыкнуть туда, сюда. Что было там, что было здесь.

– Чтобы не перепутать море с пустыней, понимаете?

– Да, очень точное сравнение.

– Могу принести несколько хороших географических карт. У нас есть несколько отличных экземпляров пятого-шестого столетия до Перемены, – бубнила старушка, пряча глаза.

– Стоп, – Таш хлопнул ладонью по стойке. – Давайте серьезно. Нам нужно в компьютерный зал. – Проговорил медленно, разделяя слова. – Если это вопрос денег, то у нас их много.

– Много! – округлив губки, повторила Таша.

– Нет-нет! – старушка всплеснула руками, глазами указала на экран. – Запрет сверху, – тихим, могильным шепотом.

– Да мы же только одним глазком, – надула губки Таша.

– Не могу, миленькие, – прошептала старушка. – Пощадите. Расстреляют же меня.

– Да мы всех купим, – отмахнулся Таш. – Вас, солдат, всех этих чиновников. Мы все это здание можем купить. Весь этот город. Не бойтесь! Вам ничего не угрожает.

Старушка свела брови.

– А его, – указала на экран, – тоже купите?

– Его, может, и нет, но того, кто за него принимает решения – точно.

Библиотекарьша затрясла головой, отпрянула от стойки и быстрым жестом очертила на теле символический квадрат. «Верующая», – поморщился Таш.

– Да что вам, сложно, что ли? – совсем по-детски спросила Таша.

– Уходите, сейчас охрану позову, – зашипела старушка.

– Так мы вашу охрану купим.

– Вот уж кого точно можно купить, – фыркнула Таша.

– Всех не купите! – потрясла кулаком. – Меня не купите!

Пошли вон отсюда!

Таш примирительно поднял руки:

– Стоп! Стоп! Стоп! Мы же не ругаться с вами пришли. У всего есть своя цена. Назовите.

Старушка сжала губы, сложила руки на груди и демонстративно отвернулась.

– Просто назовите свою цену. Каждый чего-нибудь хочет. Хотите, внуков ваших обеспечим до старости.

– У меня нет внуков.

«Прогресс! Идет на переговоры, – подумал Таш. – Чуть-

чуть, и расколем».

Таш подмигнул сестре.

– Молодость? Новое тело? Да все что хотите! Мы сказочно богаты! Подумайте – мы всего-то хотим взглянуть на карту.

– Это очень выгодное предложение, – поддакнула Таша.

– Новое лицо, новое тело, новые документы. Мы можем все! – напирал Таш.

– Все, – промурлыкала Таша.

– Все, – убедительно кивнул Таш.

– Мы как добрый Дедушка Мороз, – Таша потрепала брата за щеку.

– И Снегурочка, – брат ответил ей тем же.

– Подумайте, нам проще нанять мордоворотов, чтобы они разнесли здесь все, чем исполнять ваши желания.

– Мы в любом случае получим то, что нам нужно.

– Всегда получаем.

– Но мы добрые.

– Угу.

– И любим делать добрые дела.

– Просто обожаем.

Взгляд библиотекариши метался от близнецов к экрану за их спинами. Брови сдвинуты, в уголках губ – тень улыбки.

II

Урс твердо смотрел в глаза богу. Тот все еще улыбался.

Раньше эта улыбка казалась Урсу загадочной, полной тайного смысла, как улыбка Моны Лизы. Сегодня он видел за ней только равнодушие и пустоту. Что-то изменилось в самом Урсе. Куда-то пропал восторг, испарилось благоговение. Он будто увидел себя со стороны: человек-медведь на колченогом стуле перед равнодушным экраном в пыльном чулане. Возможно, если бы разговор начался иначе, Урс так и не решился бы сказать то, что собирался.

– Я завязываю, – сказал Урс, замедляя речь, чтобы придать словам вес.

Улыбка бога на мгновение померкла, преобразилась в ухмылку. Левый угол рта приподнялся, к нему от носа протянулась резкая морщина.

– Устал? – спросил бог, добавляя в голос сочувствие.

Урс медленно кивнул. Вопрос кольнул борца, он посчитал его неискренним.

– Я уже старый.

– Тебе тридцать пять, – сказал бог, укоризненно приподнимая левую бровь, отчего на лбу проступили неровные морщины.

– Хочу уйти как легенда. Не хочу проиграть.

Бог посмотрел в сторону, взгляд медленно полз поверх Урса.

– Ты в хорошей форме, – сказал бог.

– Это случится – рано или поздно. Кто-нибудь побьет меня.

– Если говоришь о поражении, уже проиграл, – поморщился бог.

– Тот, кто побьет меня, станет звездой.

– Само собой, – кивнул бог.

– А ведь он может быть дураком.

Бог рассмеялся, тихо и коротко.

– А ты, значит, умник.

– Я умею считать, – сказал Урс.

Бог чуть склонил голову, пожевал губами, оценивающе глядя на бойца. Казалось, он размышляет над значением его слов. В серых глазах бога вспыхнули искорки интереса, но скоро погасли. Бог отвел взгляд и принялся рассматривать аккуратные ногти.

– Чем займешься, когда уйдешь на покой? – спросил он будничным тоном.

Урс недоверчиво посмотрел на экран. Осознал вдруг, что ему обидно. Он надеялся, бог возразит ему, попробует отговорить. Он ждал гнева, сочувствия, чего угодно, но только не равнодушия.

– Попробую зажить, как нормальный человек.

– Как это? – усмехнувшись, спросил бог.

– Что? – Урс непонимающе нахмурил брови.

– Как это – как нормальный человек? Как себе представляешь?

– Дом, семья, дети, – неуверенно перечислил боец.

– Маленькие медвежата, – сказал бог с издевательской ин-

тонацией. После паузы добавил: – Работу будешь искать?

Урс нахмурился сильнее. Он привык к рутине: к вялому, серому, ничем не заполненному существованию между боями. Желание начать новую жизнь давно зрело в нем, но не оформилось ни во что конкретное. Вопросы о будущем, в котором не было боев, поставили его в тупик. Работа? Что он умеет делать? Ничего – только избивать людей на ринге.

– У меня много денег, – сказал Урс, чтобы что-то сказать.

– Это пока ты один. Жена, дети – для этого нужно много денег. Ты уверен, что у тебя их достаточно?

Урс никогда не оценивал семейную жизнь, никогда ее не планировал. Он знал, что богат, но реальная цена денег ему была неизвестна. Сам он жил очень скромно. Сколько стоит образование? Необходимое лечение? Новая, более просторная квартира?

– А с супругой определился?

В голове возник образ Лизы. Лиза – такая доступная и такая невероятно далекая. Любит ли она его или просто лжет, чтобы он снова и снова приходил к ней с деньгами?

– Сможешь с ней ужиться?

Урс знал, что не сможет, не простит ей ее прошлое, но гнал от себя эти мысли. Он купил Лизу, и сделал это уже много, много раз, значит, сможет выкупить ее насовсем, навсегда, как дорогую куклу. Но разве любовь – это то, что можно купить?

– Простишь ли ее?

Урс вскинул голову и с тревогой посмотрел на бога – он знает. Знает все: про Урса, про Лизу, про то, чем она занимается. Боец попытался вернуть лицу бесстрастное выражение. Ну конечно знает! Урс же сам ему все рассказал. Может быть, поэтому бог так спокоен? Уверен, что все будет так, как он скажет? Рассматривает Лизу как рычаг воздействия?

– Да, – ответил Урс, гордо вскинув подбородок.

– На все вопросы? – вкрадчиво сказал бог.

– На все.

– Я заплатил достаточно, чтобы начать все...

– Тс-с-с! – оборвал его бог и предостерегающе поднял вверх указательный палец; затем сплел пальцы и погрузился в размышления.

Урс терпеливо ждал, считая секунды. Девятнадцать секунд спустя бог нарушил тишину:

– Скоро к тебе обратятся с одним предложением.

Урс придвинулся поближе, чтобы слышать лучше.

– Прими его.

Бог подмигнул, и экран погас.

Чулан погрузился в полумрак, подсвеченный экранами поменьше, транслировавшими зеленые прямоугольники.

Урс хлопнул себя по коленям, почувствовав, к собственному удивлению, боевой азарт. Он только что перешагнул невидимую черту, запустил какой-то механизм, который либо раздробит его своими шестернями, либо разобьет сковы-

вавшие его оковы и подарит свободу.

III

Гомон понемногу стих. Люди стоят поодаль, смотрят внимательно.

– Вот это да, – говорит Сергей. – Не ожидал такого. Удивил, сынок.

Голос дрожит, глаза глядят недоверчиво. Марк тряхнул головой, отгоняя наваждение. Никогда он прежде не убивал людей, а вот теперь убил. Когда со стрелами бегал, представлял, каково это – жизнь отнять. По-разному ему думалось: то ли весело, то ли страшно будет. Вышло – никак. Чужаков не жалко, сами напали, заслужили смерть. За сестру с мамой страшно стало, вот и взвился. Только странно как-то произошло все, будто пьяных ягод съел. Как пелена опустилась на глаза или заснул вдруг, что-то видел, что-то делал, а что – уже и не помнит.

Подходит дед, кладет руки на плечи, единственным своим глазом по лицу водит.

– Потом обсудим это, – шепчет, – видал я такое, и не раз. – Громче, для всех. – Спасибо Марку, спас нас! Ну, берем его в воины? Без обряда?

Люди кивают, два других волхва молча склоняют головы. Кто-то шутит:

– Вот дети пошли, по мягкому не нашлепаешь.

Редкие смешки в ответ, как бутылки откупоренные. Но улыбки тают на лицах – жалко тех, кого убили налетчики, негоже смеяться.

– Значит, решено, – просто говорит дед Андрей. – Погибших на рассвете похороним, уложите их пристойно и начинайте костер собирать. Дозор пусть соберется. Может, это только первые ласточки к нам залетели. – Встревоженные взгляды, мало кто подумал об этом. – Женщины – по домам, мужчины – к частоколу. Теперь нельзя без дозорных. А мы посмотрим, что за гости к нам нагрянули. Оттащим падаль с глаз долой, нечего им тут лежать.

– Как к частоколу? – голосит какая-то баба. – Там же нет никого!

– А эти откуда взялись? – дед пожал плечами.

Баба молчит. Все молчат. Расходятся выполнять поручения.

Начинают понимать, что незнакомцы разрушили не только несколько семей, но и весь привычный уклад. Не видать теперь спокойной жизни.

* * *

Андрей пошел к волхвам, потянул внука за собой. Марк засеменил следом, не соображая, что теперь он взрослый. С ними вместе – отец и еще несколько мужчин. Отец на прощание обнял жену и дочь, что-то прошептал каждой на ухо

и махнул рукой – в сторону дома. Оборачиваясь, пошли прочь. Марк кивнул им на прощание. Мать посмотрела как-то странно и отвернулась, Любинька повела в воздухе платочком.

Тела чужаков взяли кто один, кто вдвоем – мерзавцы в доспехах, тяжелые, – подобрали их жуткое оружие, понесли в соборную избу, сложили на пол. Дед плотно закрыл дверь. Несколько любопытных баб заглянули снаружи в окно, но, напуганные дедовским кулаком, попрятались.

Сергий сидел на корточках, вертел руках какой-то предмет. Марк подошел к отцу, чтобы лучше разглядеть, – черная коробочка с ручкой. Посмотрел вопросительно, отец только плечами пожал:

– У одного из них в руках было. Когда ты его порешил, он и выронил.

Марк принял коробку в руки – тяжелая, как полное ведро, хоть и небольшая. И гудит тихо-тихо, но заметно.

– Любопытная вещица, – сказал дед Андрей, подойдя. – Пока отставь, потом внимательнее посмотрим.

Стрелы из мертвецов вынули, передали Марку. Неприятно было их обратно брать – кровью перепачканы. Надо бы вытереть, да нечем – взял охапку да сунул в колчан, потом отмое.

Чудной доспех с чужаков сняли, постучали, проверили прочность. Хорошая защита, как сделано – непонятно. Сапоги тоже добротные, их оставили в стороне, после поделят.

За шлемами – молодые мужские лица. Взрослые, но с бритой бородой – у многих видна щетина. Волосы короткие, стриженные; чужаки следили за своей внешностью – не то, что Марковы соплеменники, взять, к примеру, покойных братьев Косматых, те бы посчитали такую длину волос оскорбительной.

Обшарили странную облегающую одежду. В черных штанах нашлись карманы, а в них какие-то бумажки непонятные – много бумажек.

Каждый взял себе по одной. Постояли, в руках повертели. Бумага в селе редкость – из нее мудреные книги волхвов сделаны. Простой люд в них не понимает ничего. Для того, чтобы понимать, читать надо уметь, а этому только волхвы обучены.

Однажды по вине книг чуть беда не приключилась. Старый волхв Василий над книгой заснул, а свечу погасить позабыл. Свеча повалилась, книга занялась и чуть дом для собраний не спалила. С тех пор каждый селянин знал: страшное дело, книги эти, лучше подальше от них держаться.

– Что это такое, дедушка? – спросил Марк, выставив бумажку перед собой и глядя на свет.

Марк, уважая старших, говорить не собирался, но очень ему любопытно стало. И бумажка такая красивая, с картинками: цветастая, линиями расчерчена. То ли звезды на ней нарисованы, то ли цветочки.

Дед сощурился, всмотрелся и сказал непонятное:

– Деньги.

Все растерянно переглянулись. Только волхвы не казались удивленными.

– А что это такое, деньги? – спросил Марк; голос чуть дрожал от волнения и удовольствия – удалось во взрослый разговор вклиниться.

– Предки использовали деньги, чтобы на них менять добро всякое, – пояснил дед. – Это сейчас я к Марфе схожу, молока кувшин отнесу, а она мне за это десяток яиц отсчитает. Раньше я бы за ее десяток деньги дал.

– А молоко выпил бы, – вставил отец, и все засмеялись.

– Вот предки-то наши, любили почудить, – восхитился кто-то.

– А зачем так? – Марк решил закрепить успех. – Это же сложно как-то.

– Да кто их знает, – дед пожал плечами. – Вон, видишь, как вышло. Домудрились.

Мужчины согласно замычали.

– Получается, – подумалось вдруг Марку, и он вслух сказал, – кто-то им деньги дал, чтобы они сюда пошли? Чтобы людей убили?

– Может и так, – сказал Андрей, одобрительно глядя на внука. Соображаешь, мол.

– Вряд ли они сюда шли, чтоб яйца Марфины на бумажки обменять, – сказал Сергей.

– Скорее уж за нашими пришли, – пошутил мужик из уг-

ла, и смех грянул со всех сторон. Даже волхвы разулыбались – все, кроме деда Андрея.

– Что скажешь? Что это вообще такое, как по-твоему? – спросил Сергей, когда дед встал и отошел к окну, задумчиво поглаживая бороду.

– Призраки, – сказал дед, – из прошлых времен.

Все переглянулись – не привыкли, чтобы волхв говорил туманно.

– Раньше так было. Не мужчины, а черви. Не мечами и стрелами бились, а пулями.

– Что за пули такие? – спросил мужик, Зосим, кузнец местный.

– Маленькие кусочки железа, – пояснил дед. – Их вставляют в эти вот палки, в автоматы, и стреляют ими, как дети – шариками из тростинки. Только последствия – сами видели.

Зосим уважительно закивал.

– Слово-то какое, «автоматы», – сказал Сергей медленно, будто пробуя на вкус незнакомое сочетание звуков.

Василий, волхв, сидевший на полу, поджав ноги, подал голос:

– Было такое, да. По-разному говорили. «Автоматически» – мол, по накатанной делать что-то. Раз, раз, раз – одно, другое, третье. Как автомат железом плюет.

– Понял, – сказал отец, улыбаясь. – Спасибо, что научил. Буду применять. Вот например: жена твоя штаны стирает автоматически.

– А ты свою жаришь автоматически, – не дал себя в обиду волхв.

– Потому что мой автомат на ходу еще, не то, что твой, борода, – загоготал Сергей.

Василий, зло блеснув глазами, буркнул:

– Никакого уважения. Андрей, плохо сына воспитал. Шалит!

Дед отмахнулся:

– За своим следи. Да за языком тоже приглядывай. Обоих касается, – строго посмотрел на Сергия. Тот пожал плечами.

– А откуда ты все знаешь-то? – снова подал голос Зосим.

– Мы, волхвы, читать обучены. Древние книги – оттуда все, – важно сказал обиженный Василий.

– Научили бы, – не унимался мужик. – Если б все такие умные были, может, свои автоматы собрали бы.

– Собрали бы – и друг друга порешили, – веско сказал Андрей.

Все переглянулись, глазами встретились, отвели – и замолчали.

– Из-за частокола они пришли, – сказал дед, ни к кому не обращаясь. – Но сами бы не дошли. С виду – обычные люди, две руки, две ноги. Значит разгадка в этой штуке. – Указал пальцем на черную коробку, мерно гудевшую на столе.

– Разберем ее? – предложил Сергей.

– На кой? Обратного не соберем, – обрубил Андрей.

– А что нам с ней делать тогда?

– Я уверен, с ней мы сможем выйти за частокол.

Все замолчали удивленно.

– Зачем нам туда?

– Денег-то посмотрите сколько. Были бы мирные, не стали стрелять. Никто ведь не трогал их. Значит со злым умыслом пришли. Значит прав Марк. Кто-то купил их, деньгами погнал сюда. Кому-то мы, сами не зная, дорогу перешли. И кому-то очень сильному, раз ужасы за частоколом ему не помеха. И пока нас не выведет, не успокоится. Значит надо первыми ударить. А для этого – сначала в разведку пойдем.

IV

Ректор стоял у окна, глядя на панораму города. Он знал, что на него смотрят, и потому красовался. Голова в пол-оборота, руки сложены за спиной. Закатные лучи солнечными зайчиками брызнули в стороны, отраженные от железного тела. В нем осталось куда больше человеческого, чем можно было разглядеть со стороны, и Ася ненавидела его за это.

Выглядел он и вправду эффектно: золотая статуя на фоне небоскребов, оживший монумент, памятник себе самому и главному труду своей жизни.

Громоздкое блестящее тело повернулось, тихо лязгнув. Золотая маска обратилась к следователю:

– ГГ-1489, что за красотку ты привел ко мне?

Искусственный, неестественный голос без интонаций.

Опер выступил вперед, поклонился и представил Асю сытым голосом, каким говорят люди, когда улыбаются:

– АФ-1554. Предпочитает, чтобы ее звали Асей. Считает себя вашей дочерью.

Ректор упер руки в железные бока и сказал:

– А в кого она, по-твоему, такая красивая?

Следователь угодливо усмехнулся и развел руками.

Ректор поманил ее к себе несколькими угловатыми движениями. Ася стояла на месте, пока следователь не подтолкнул ее в спину. Она нехотя подошла к окну. Тяжелая рука ректора легла ей на плечи, обняла за правое механическое плечо. Свободной рукой Ректор указал на панораму за окном.

– Видишь город там, внизу? Обожаю этот вид. Особенно мне нравится, когда заходит солнце и люди зажигают свет. Сейчас кажется, что так было всегда. Знаешь, сколько труда в это вложено? Триста лет назад здесь не было ничего, кроме развалин. Ничего. Только хлам, мусор и куча напуганных людей. Я все это собрал. По кусочкам. По кирпичику. Я и есть этот город.

Ася повернулась к Ректору и смачно плюнула ему в золотую маску. Слюна белой кляксой протянулась от носа до искусственного глаза.

– Они убили его, – процедила она сквозь зубы. – Отца моего ребенка.

Ректор убрал руку с ее плеча и сделал один тяжелый шаг

в сторону, схватившись за грудь в притворном оскорблении.

– Ты беременна? Сам не знаю, зачем спросил. Твоя жизнь, моя жизнь. Какая разница? Главное, чтобы стоял город.

– Ублюдок! – закричала Ася. – Мы живые! Живые, слышишь!

– Я прошу соблюдать простые правила, – продолжил Ректор, игнорируя Асин крик. – Например, не плодиться, как кролики. Места всем не хватит. У нас дома и так уже в сто этажей.

– Так вместо того, чтобы делать из людей кукол, – Ася ударила себя по механическому протезу, – надо искать способ расширить границы! Нужно освоить Полосу!

Ректор отмахнулся, повернулся к Асе спиной и с клацанием зашагал к трону, стоявшему у дальней стены.

– Напыщенный говнюк! Золотой болван! – крикнула ему вслед Ася.

Ректор устроился на троне и стал еще больше походить на статую.

– Ты меня утомляешь, – сказал Ректор. – Я даже не помню, кто ты такая. Вас таких много, знаешь ли. Вы все мои дети.

– Конечно! Еще одна яйцеклетка, которую оплодотворила твоя божественная сперма!

– Фи, как некрасиво. Я бы поморщился, если бы мог.

– Крыса подопытная для твоих экспериментов! – Ася с силой ударила себя железной рукой по бедру и, свалившись

на пол, зарыдала – от боли, от обиды, от беспомощности.

– Ну-ну, – гроыхнул со своего стула Ректор. – У тебя мануальный манипулятор продвинутой модели, нечего жаловаться. У него почти нет недостатков – только реакция немного замедлена, если я правильно помню.

Опер подошел, наклонился и легонько похлопал Асю по плечу, успокаивая. Сам обратился к ректору:

– Увести ее? Я мог бы ее допросить, она наверняка знает...

Ася оттолкнула его и вдруг с силой ударила железным кулаком в причинное место. Следователь испустил сдавленный стон, нелепо согнулся и упал на колени. Второй удар впечатался в лицо. Нос с хрустом лег набок, глаза закатились. Следователь потерял сознание, растянулся по полу.

– Сукин сын, ублюдок! – взревела Ася и метнулась к Ректору.

Тот неожиданно проворно поднялся на ноги.

– Зачем это насилие? Может, поговорить нормально?

Ася не ответила. Ей не о чем с ним говорить. Разговоры не вернут Диму к жизни. Желание жить, стремление защитить ребенка, – все вдруг померкло, погребенное под нестерпимой, яростной жадой мести.

Солдаты, привлеченные шумом, ввалились в зал. Ася – в пяти шагах от ректора. Она прыгнула, прошипев одно-единственное слово:

– Ненавижу!

А потом произошло странное. Время вдруг замедлилось, сломалось, поползло еле-еле. Ректор медленно приближался, она видела его во всех мерзких подробностях: ноги, обутые в сандалии, – старый самодур воображал себя римским императором, отчего не возложил венка на голову? – сросшиеся золотые пальцы с идеальными, ровными ногтями; мускулистые икры, навсегда застывшие в железном усилии; кроваво-красная тряпка, скрывающая отсутствующие чресла; рельефный пресс и грудь с абстрактными блямбами сосков; мощные металлические руки; золотая маска – пародия на античную статую; подвижные глаза-протезы с продвинутой оптикой; где-то там, за этими искусственными зрачками, плескался в питательном растворе мозг, нашпигованный проводами, как яблоко – спичками в древнем свадебном обряде, – единственное, что осталось от Ректора-человека. Разбить золотую скорлупу, вытащить этот мозг, раздавить его – и многолетней тирании настанет конец.

Чьи-то руки крепко, но аккуратно обхватили Асю. Она почувствовала чужое тело, крепко прижавшееся к ней. А потом время пустилось вскачь – секундное ощущение полета, мягкий удар, в глазах на миг потемнело, она перекатилась на спину, заморгала, приходя в себя. Сверху вниз, упираясь на руки, над ней навис незнакомый мужчина. Лицо неприемное, русые волосы давно не стрижены и падают на щеки.

– Мирись, мирись и больше не дерись, – сказал незнакомец.

V

Сначала все молчали, потом разом заговорили.

– Да тут и думать нечего, пусть дебила убьет!

– Это какая-то шутка...

– Не бойтесь, со всеми ему не справиться!

– Гаврилушка! Не дам!

Иса со скучающим видом сидел на сцене и чистил ногти кончиком серпа. За сценой находился черный ход, и Петр выжидал момент, чтобы сбежать. Если бы они навалились на маньяка кучей, возможно, у них был бы шанс – только Петр не верил в героизм односельчан. Тут уж каждый за себя, а Петр рассчитывал еще когда-нибудь понянчить внуков. Если они у него, конечно, появятся. Правда, по последним данным вероятность этого сводится к нулю. Особенно если учесть нездоровый интерес, который проявлял к нему душегуб.

Петр не успел ничего сделать. Иса застучал рукояткой серпа по деревянной сцене, призывая тишину.

– Время истекло, голубчики. Пора!

Иса отложил серп, упер локти в колени, положил подбородок на сведенные ладони – так смотрят за окно, когда скучают.

– Пусть говорит кто-то один.

Желающих не нашлось. Люди затравленно переглянулись

и опустили головы, на Ису старались не смотреть – школьники на уроке у строгого преподавателя. Даже Гаврила притих, уловив общую тревогу.

– Ну что, никого? Петр, тогда я выбираю тебя! – Иса вяло махнул ему.

Живот свело. Петр не сомневался, как, наверное, не сомневался никто в этом зале, что Иса – это не просто опасный безумец. Все его фокусы – за гранью обыденного. Селяне ходили в церковь, молились богу, много говорили о высшем промысле – и вот впервые столкнулись со сверхъестественным. «Столкнулись с богом», – поймал себя на мысли Петр: Иса представился как спаситель, которого они ждали.

– Говори, голубчик, кого помилуем? Гаврилу или вашу популяцию?

Петр открыл рот, закрыл, как рыба, выброшенная на берег. Он в ужасе оглядел зал и вдруг выпалил:

– Гаврила...

Он хотел потянуть время и сказать, что Гаврила – конечно, умственно отсталый, но это не означает, что от этого его жизнь менее ценна; жизнь – вещь в себе, она самоценна – и прочее. Гуманистическая белиберда. Петр обрек бы Гаврилу на смерть, если бы Иса надавил на него; слова были необходимы, чтобы оправдать себя, снять камень с души. Вот только этого не случилось – дыхание предательски сперло, слова застряли в горле и наружу выскочило одно-единственное имя.

Иса хлопнул в ладоши, тряхнул головой, весело улыбнулся, отчего на лице появились симпатичные ямочки.

– Решено! Молодец, ты сделал правильный выбор!

В этот миг охранник бросился на маньяка. Петр не понял, что произошло. Он увидел, как два тела сплелись в борьбе. Страх и отчаяние на лице нападавшего; искренняя, детская радость на лице Исы. Ужас и безумие. Голова охранника вдруг взорвалась, исчезла в алой вспышке – это серп, символ их веры, прочертил на человеческой шее прямую. Из рассеченного горла брызнул поток крови. Иса, перекрашенный в красное, хохотал. Зал заполнился криками, плачем и ругательствами. Первая смерть – только прелюдия к симфонии резни, которую намеревался сыграть спаситель. Иса исчез – просто перестал находиться там, где его только что видели. В следующий миг – он повсюду.

Картина не укладывалась у Петра в голове. Зеркальный лабиринт, отражения в отражениях. Иса, перепачканный кровью, с открытым гогочущим ртом, с блестящими дикими глазами, с серпом, опускающимся и поднимающимся, как лопасть мельницы. Люди, бегущие, падающие, ползущие – умирающие. Запрокинутые головы, раскрытые рты, выпученные глаза. Серп жалит горло, половинит лицо, раскрывает живот, кусает икры. Мгновение, растянувшееся в бесконечность, – пир смерти, бойня, кошмар мясника. Кровь на полу, много крови, лужа, потоп. И Иса, черно-красный, красно-черный, вершащий свой страшный суд – жнец, кося-

ций людей, как траву. Женщины – в обмороке, мужчины – на том свете. И если там, за порогом, что-то есть, если бог – судья, горе всем нам.

* * *

Иса сдержал обещание. В зале больше не осталось мужчин, кроме Петра и Гаврилы. Только трупы.

Петр ощущал, как по волосам ползет седина. Еще чуть-чуть, и он сойдет с ума. Большинство женщин в обмороке, кто-то сидит на полу и беззвучно плачет, пряча лицо в ладонях, чтобы не видеть последствий бойни. Гаврила громко и заунывно скулит, уткнувшись в материнскую грудь.

– Отличное завершение нашего маленького этюда, вы не находите? – сказал Иса, ни к кому конкретно не обращаясь. – Меня ждут другие дела, надо спешить. Можете выдохнуть. Прощаюсь с вами – до скорого! Петр, – Иса подмигнул и усмехнулся, – остаешься за главного. Теперь все эти женщины – твои. Плодитесь и размножайтесь! Вернусь – проверю.

Глава 4

I

Таши весело скакали по ступенькам – прочь от разгневанной библиотекарши. Старушка катилась следом, потрясая кулаками и выкрикивая проклятия.

– Деньгами!.. Своими!.. Жулье!.. – библиотекарша сбилась с дыхания и кричала невпопад.

– Полегче, бабуля! – через плечо бросила Таша.

– Если бы мы и вправду деньгами сорили, их бы у нас не было, – резонно заметил Таш.

– Если каждому давать, то не выдержит кровать! – добила Таша старушку.

Библиотекарша остановилась на ступеньках, схватившись за бок и тяжело дыша. Под удивленные взгляды пары прохожих бабуля плюнула вслед близнецам, топнула ногой и заковыляла прочь.

Через пару кварталов Таши перешли на шаг и укрылись капюшоном.

– Что думаешь? – спросил Таш. Ему всегда было интересно, что творится в голове у сестры. Сестра с легкостью угадывала мысли брата, Ташу же путь в загадочную женскую душу был заказан.

– Было весело, – лаконично заметила Таша. – Надеюсь, мы не нажили проблем с правительством.

– Брось! – отмахнулся Таш. – Кого купить легче всех – так это их.

– Резонно. Ты был прав насчет карты.

– Это из-за точек и запятых. Они подтолкнули меня в правильном направлении. Так записывают координаты. Я потом в интерлинке проверил.

– Жаль, что старых спутниковых карт в интерлинке нет. Не пришлось бы обманывать старушку.

– Всегда есть сопутствующие потери.

– Это точно. Чем старые карты-то властям помешали?

– Предосторожность, чтобы горячие головы не насмотрелись и не полезли на Полосу.

– Да кто в своем уме туда полезет?

Близнецы по привычке выбирали самые тихие и безлюдные улицы Сердца. Лишние внимание ни к чему. Впрочем, в последнее время город заметно опустел: люди все реже выходили из дому. Правительство закручивало гайки, отыскав в погасшем давеча экране удобный повод для репрессий. Активизировалась полиция, прикрываясь гневом Всевышнего. Народ собирался в более-менее крупные группы только у церквей или храмов, которые остались едва ли не единственной возможностью выйти в свет. Возможно, пропускать службы отныне тоже небезопасно.

– Хорошо, что мы всегда можем спрятаться за нашим

уродством, – сказала Таша, когда они миновали очередную церковь, у входа в которую змеилась очередь. – Всегда можем сказать, что просто не хотели никого пугать.

– И нам ведь поверят, – согласился брат. – Так что думаешь по поводу моего плана?

– У тебя нет плана.

– Есть. Я знаю, куда идти. – Таш хлопнул ладонью по карману, где лежал видеофон с фотографией карты. – По карте там точно что-то есть, какое-то здание. Вот тебе и цель.

– И что ты хочешь там найти? Повстанцев из волшебной страны твоего воображения?

– Она называется Страна Делай-Что-Пожелаешь, – пошутил Таш. – Если отбросить идеологию, прогулка может получиться занимательной сама по себе. Мы всю жизнь проторчали в Сердце. Вот и узнаем, есть ли жизнь за его пределами.

– Только нам для этого надо через Полосу пройти, гений.

– Я слышал, и не я один, – брат зажал сестре рукой рот, чтобы она не успела возразить, – говорят, не все порталы вышли из строя.

– Час от часу не легче. Придется лезть под землю, в метро, к тому же еще кругленькую сумму отсчитать, чтобы нас туда пустили.

Брат пожал плечами.

– Таш, ответь на один простой вопрос.

– Весь внимание.

– Стоит ли рисковать жизнью из любопытства? Разве мы

так уж плохо живем?

– Это не жизнь, – вспыхнул Таш. – Это существование. Это понимает каждый, у кого есть голова на плечах. А у нас их с тобой целых две. Бог на экране – да вы серьезно, что ли? Повсюду – тотальная слежка, сплошные взяточники, один другого хуже, вечная грызня. Да, с божьей помощью мы изжили преступность – и то только на поверхности. Да вот незадача: наша власть и есть самый главный преступник.

– Горячая речь!

– Спасибо, – кисло сказал брат.

– Если ты такой гуманист, просто купи всех. Купи префектов, купи полицейских. Предложи им столько, чтобы они перестали грабить и убивать.

Таш невесело рассмеялся в ответ, и сестра невольно улыбнулась.

– Им всегда будет мало. А двухголового урода, который попытается прибрать к рукам власть, линчуют быстрее, чем я выговорю слово «Безблагодатность».

Сестра кивнула, соглашаясь.

– Раньше люди были другими. Они искали, как справиться с последствиями катастрофы. Что-то строили. Те же порталы...

– Таш, я тебя умоляю, люди всегда одинаковые. Человек человеку волк и все такое.

– Сейчас мы как пауки в банке – жрем друг друга. Никто даже не подумал, что из банки можно выбраться.

– Чтобы обнаружить, что снаружи – та же банка, только побольше?

Таш поджал губы.

Они дошли до их любимого бара. Тут они принимали самые важные решения. Еще не стемнело, поэтому неоновая вывеска – женщина на кресте, распутно поднимавшая и опускавшая ноги – не горела.

В баре царил приятный полумрак. Посетителей не было. Таши уселись за стойку, откинули капюшон. Бармен, мужчина средних лет с элегантными усиками, которого все из-за них называли Мушкетером, не испугался – привык к близнецам. Только улыбнулся устало, протирая стакан.

– Привет, мои половиночки. Что-то вы сегодня рано. Все в порядке? Вам как обычно?

Таши, погруженные в свои мысли, одновременно кивнули.

Алкоголь – дикая мешанина из рома, водки и джина для брата и двойная текила для сестры – оживил беседу.

– Таш, я знаю, причина не в Сопротивлении. Тобой просто овладела тяга к перемене мест.

– Может, и так.

– Таш, я сделаю, как ты хочешь. Ты все, что у меня есть. Ты же знаешь?

– Знаю.

– Ведь это может быть ловушка.

– Все может быть.

– На главном экране Сердца... Цифры, координаты...
Неизвестное место за Полосой...

– Да-да. Кто не рискует, тот не пьет шампанское.

– Но ты-то пьешь коктейль.

– А я и не рискую. У нас есть все, что нужно. Деньги...

– Деньги, деньги, деньги... Мы только о них и говорим.

– К черту деньги! Кругом одни деньги. Ты права, я просто хочу уйти из Сердца. Мне здесь все надоело.

– И мне.

– Выпьем за освобождение!

– Выпьем!

Осушили стаканы, ударили стеклом по стойке.

– Эй, Мушкетер!

– Повторить?

– Повтори.

Пока бармен возился с бутылками, брат вперился в него взглядом.

– Скоро мы с сестрой, – язык Таша чуть заметно заплетался от выпитого, – отправляемся в опасный поход. Как Улисс.

– Как вещей Олег, – поддакнула Таша, икнув.

– Нам нужен сопровождающий.

– Телохранитель.

– Гора мышц.

– Чтоб страшно было даже смотреть в его сторону.

– Тогда вместе с ним мы будем просто невидимки!

– Ага.

– Короче, мы хотим самого лучшего.

Бармен прищурился:

– Кажется, я знаю, кто вам нужен.

II

Урс вышел в коридор и направился к раздевалке. Горячка боя спала, оставив за собой опустошение. Он привычно считал шаги, чтобы отвлечься от навязчивых мыслей, но они настырными осами кружили и кружили вокруг головы. Разговор с богом задел чувствительные струны в душе Урса. В последнее время он стал сам не свой – сколько лет он прожил вот так, бой за боем, победа за победой? Что с ним произошло? Откуда это навязчивое желание что-то поменять? Он сказал богу, что боится проиграть. Ха! Он не знает, что такое поражение. Нет человека, который справился бы с ним в честном бою. Он мог умереть от естественных причин, от старости, от удара ножом в спину; на ринге – никогда. Если, конечно, в один прекрасный день его сердце не остановится во время боя. Но ведь это не поражение, так?

По-видимому, он нуждался в вызове. Хотел проверить себя, испытать, узнать себе цену. Когда-то таким вызовом были бои. Выиграть первый, десятый, двадцатый, сотый поединок. А теперь? Теперь это рутина. Да, от этого кипит кровь, но все-таки не так, как прежде.

Жизнь, обычная, человеческая: семья, дети, быт – пер-

вое, что пришло на ум. Только вот нужно ему это? Бог задавал ему правильные вопросы. На то он и бог: мучить, спрашивать о неудобном, о том, что хочется скрыть, похоронить в себе. Может быть, удастся испытать себя как-то иначе?

Урс насторожился. Дверь в раздевалку открыта. Он отлично помнил, как закрыл ее. Тихонько толкнул. Заинтригованный, скользнул внутрь. Щелкнул выключателем...

На диванчике, закинув ногу на ногу, сидел человек в длинной темной накидке с широким капюшоном. Капюшон полностью скрывал лицо; казалось, незванный гость мирно дремлет.

Урс встал перед ним, сложив руки на груди, выжидая.

– Привет! – сказал гость, пошевелившись. – Рады знакомству! Отличный бой!

Голос, доносившийся из-под капюшона, – тихий и какой-то непонятный. Вроде бы мужской, но вполне может оказаться женским. Сначала Урс принял гостя за мужчину, но теперь засомневался. По позе не угадаешь. Под плащом – джинсы и свитер. Грудь, если есть, не разглядеть. И почему «рады» во множественном числе? Самомнение?

– Как ты его, а? Под орех! – голос на октаву выше. Показалось?

– Чем могу помочь? – сказал Урс.

– Есть одно дельце, сами не справимся, – опять эта разноголосица, как будто говорят два разных человека. – Нам нужен кто-то большой и сильный. Вроде тебя.

– Кому нужен?

– Правильный вопрос. Умеешь вести дела, да?

Урс пожал плечами. Внутренне подобрался. То самое предложение, о котором предупредил Бог?

– Заказчик перед тобой.

– С кем я говорю? – сказал Урс.

– Мы – люди довольно известные. Правда, в узких кругах, – сказал гость и поднял капюшон.

Урс невольно отшатнулся. Дикое, глубинное внутри него завопило, потребовало отвести взгляд. То, что он увидел перед собой, объяснило и странный голос, и множественное число. Над узкими плечами на двух тонких шеях громоздились две одинаковые головы. Мягкие черты, высокие скулы, аристократически тонкая, почти прозрачная кожа. Насмешливые рты, две пары выразительных черных глаз под двумя копнами жестких черных волос. Два лица казались похожими, одно – отражение другого, и все же чувствовалась какая-то неуловимая разница; может быть, во взгляде, в изгибе губ.

– Таш и Таша, к вашим услугам. Или просто Таши, как нас все называют, – две головы склонились в шутливом поклоне.

Два – плохое число.

– Близнецы, – проговорил Урс, стараясь не выдать свое замешательство. – Да, я о вас слышал. Когда говорили, что у вас две головы, думал это... – Урс покрутил рукой, подыскивая слово.

– Метафора, – подсказала, по-видимому, Таша, с голосом повыше.

– Да, вроде того, – пробормотал Урс.

– Телевизор не смотришь? – спросила Таша.

Урс отрицательно дернул головой.

– Нас там часто показывают.

– Неважно, – сказал Таш. – Знаешь, мы тебе очень признательны. Богатство мы сколотили на ставках. Мы специализируемся на политических прогнозах, но не брезгуем и боями. Пару раз ставили на тебя, и ты принес нам кучу денег.

– Мне потребовать процент? – осклабился Урс.

– Зачем требовать, если можно просто попросить?

– Забавы ради. А так у меня и без вас денег хватает. – Сказав это, Урс вспомнил вопросы бога о семье. Хватает ли?

Брат с сестрой переглянулись, скосив глаза. Смотреть на это было неприятно. «Интересно, можно к ним привыкнуть?» – подумал Урс.

– Впервые слышу, чтобы кто-то не жаловался насчет денег.

– Кто-то, кроме нас, – уточнила Таша.

– А мы вообще сможем тебя купить? – Таш поднял бровь.

Урс усмехнулся:

– Рассказывайте, с чем пришли.

Таш порывался во внутренностях плаща и извлек оттуда сложенный пополам листок.

– Недавно экран на Красной площади погас, – начал

Таш. – Но перед тем, как картинка пропала, появились цифры. У меня с детства фотографическая память. Чик! – и готово. Как фотография. Я запомнил эти цифры и попытался навести справки. Оказалось, что это не так-то просто.

– Я тоже интересовался, – кивнул Урс. – Люди как-то неохотно говорят об этом.

– Да, и обычно перескакивают на религиозную чушь. Последние дни, суд, возмездие и все такое.

– Понятное дело, все напуганы, – сказала Таша.

– Вот, посмотри, – брат-близнец протянул бойцу листок. – Как думаешь, что они означают?

Урс распрямил бумагу медвежьими ручищами и вгляделся в длинную строчку, написанную энергичным наклонным почерком.

55.83168055555599807,37.6319472222220028

Принялся складывать в уме, выделяя хорошие и плохие числа, чтобы расшифровать знамение. Пять – хорошее число, но повторяется два раза, а два – это плохо. Вместе – неопределенность. Восемь – плохо. Три – хорошо. Один – плохо или хорошо, в зависимости от обстоятельств. Шесть – то же самое. Восемь – снова. Ноль – никак, ни хорошо, ни плохо. Пятерки – хорошо, но их шесть, а шесть – коварная закорючка. Две девятки – очень плохо. Восемь, ноль. Семь – снова плохо. Тройка – хорошо, но за ней – семерка. Дальше – неопределенная шестерка, радостная тройка, индифферентная единица. Ряд плохих чисел – девять, четыре, семь,

шесть двоек. Два безразличных нуля. Два и восемь – плохо. В сумме сто шестьдесят один, то есть две единицы и шестерка (все – предатели). Итого: восемь. Вердикт: плохо – и по сумме, и по составу.

– Что бы это ни значило, – сказал Урс, – это что-то очень и очень плохое.

– С чего ты это взял? – спросил Таш.

– Посчитал, – пожал плечами Урс.

– Хм, любопытно! На самом деле, это координаты. Какое-то здание, которое находится к северо-востоку от нас.

– За Полосой, – уточнила Таша.

Урс удивленно поднял бровь.

– Мы хотим посмотреть, что там. Спуститься в метро, дойти до портала. Говорят, он еще работает.

– Вы знаете, что в метро небезопасно? – спросил Урс. – Там всем заправляет Крысиный Король.

– Один наш знакомый любезно подсказал, что ты родом из тех мест, – сказал Таш.

– Дитя подземелий, – драматичным шепотом произнесла Таша.

– Сказал, что ты там вырос. Знаешь каждый проход-переход.

– К тому же ты лучший боец за всю историю Сердца.

– А Сердце повидало всяких, – уважительно присвистнул Таш.

– Значит, вы хотите, чтобы я проводил вас, – медленно,

раздумчиво проговорил Урс, – к этому вашему portalу.

Таши утвердительно промычали в ответ.

– Только до портала, дальше мы сами, – поспешно сказал Таш.

– Числа предупреждают, но...

«Скоро к тебе обратятся с одним предложением. Прими его».

– ...мне нужно немного времени. Хочу кое с кем попроситься. Вдруг не вернусь.

– Вообще-то мы все планируем вернуться, – возмутилась Таша.

Урс пожал плечами:

– Крысиный Король – крепкий орешек. Всякое может случиться.

Брат и сестра быстро переглянулись.

– То есть ты согласен?

– Угу.

– Ты даже о деньгах не спросил, – сказал Таш.

– За интерес, – просто ответил Урс, а потом добавил, снова вспомнив разговор с богом о семье: – Но если дадите что, не откажусь.

III

В село так никто и не сунулся. Наскоро похоронили погибших. Бабы плакали, мужики стояли, головы склонив, ли-

ца пряча. Нет-нет, да блеснет у кого слеза в свете факела, а мужику слезы лить не пристало. Размякли мужики без бойни, обабились, да вот встряхнул их неожиданный враг.

Когда закончили с важным, засобирались. Чего ждать? Темнота спрячет. Дед выбрал троих, чтобы с ними пошли. Отцу, несмотря на возражения, наказал дома оставаться – мол, каменщик ты, а не воин, следи за семьей да созидай, а рушить будут другие. Марка, наоборот, с собой позвал. «Раньше на зверей повел бы тебя, сейчас веду на людей». Двое других волхвов тоже в селе остались – за порядком следить.

Марк стрелы свои отмыл, в колчан убрал. Был у него еще десяток припасен, так он, не раздумывая, с собой взял. Страшно было идти. Теперь все его героем звали, а он и не помнил толком, как свой подвиг совершил. Сможет успех закрепить? Кто знает. Как бы не сгинуть, вернуться домой.

У деда план простой: по следам нападавших пойти, посмотреть, не готовится ли чего похуже. След взять было несложно: частокол повалился в одном месте – видать, оттуда и пришли мерзавцы. Слабое место плана – неясно, собственно, куда идти, когда за ограду выйдут. Там начиналась опасная земля, полная чудес, – затем и частокол ставили, чтоб никто туда не забредал и оттуда не наведывался. Но дед на то и волхв, выведет, люди ему доверяли.

Марк робел, но также очень интересно ему было – что же

там, по ту сторону. Всю жизнь ведь так в селе и провел. И любопытство мало-помалу пересилило страх.

Со своими попрощались, пошли. Мать и сестра махнули платочками вслед, но как-то безучастно, без надрыва, что ли, на что Марк обиделся. «Ладно, устали, может», – успокоил себя.

Дед шел во главе, держал черную коробку на вытянутой руке, как фонарь. За ним – Марк, следом – три выбранных мужика. Поначалу ничего необычного – лес как лес. Кругом – деревья, мрак, шорохи какие-то, птичий крик. Жуть!

А потом началось.

Дед первый почувствовал.

– От меня далеко не уходите, друг за друга держитесь, – и сам Марка за руку взял.

Деревья пошли рябью, заискрились, поменяли цвет, изогнулись, как будто отраженные в воде. Все стало каким-то нечетким, зыбким, текучим. Округа закрутилась водоворотом, краски, мигая, расцвели, смешались; звуки исказились, повернулись вспять. Страшно и дивно было наблюдать такое.

Но пядь земли, на которой застыли волхв и его спутники, оставалась неизменной – та же трава и краешек леса. Отво-
еванный у хаоса кусочек порядка.

– Надо идти, – сказал Андрей. – Надо идти дальше. Просто идти.

Один из мужиков, зачарованный волшебством, сделал

шаг в сторону – прочь из круга. Что он увидел перед собой? Заветное желание? Женщину? Награду? Никто не узнает.

Марк не до конца понял, что увидел. Мужик вдруг как будто уменьшился в размере, сложился пополам, сжался до точки, до снежинки, которая закрутилась в вихре и потерялась в нем.

Второй не справился: закричал, бросился бежать. Куда? Сам не знал – испугался или поддался мороку. Столкнулся с третьим мужиком, так они и покатались кубарем, аккуратно в неизвестное. Марк едва не последовал за ними, скакнул, помочь хотел, выручить – благо, дед удержал.

Были мужики – и нет их теперь, сгинули, пропали. Две точки в безумном вихре. Куда делись? Поди отыщи снежинку в снегопад.

Марк посмотрел в единственный дедов глаз, понял: не спасти товарищей. Выдюжил, не заплакал, слезу только одинокую не удержал. Жалко!

И еще что-то в лице деда разглядел – то ли испуг, то ли отчаяние.

Дальше пошли вдвоем, молча.

Проклятая выюга, казалось, рвала окружающее, как полотно. Ничего, как-то шли, дорога под ногами сама собой стелилась. Как будут возвращаться, Марк старался не думать.

Сколько шли, не понять. Светло, но Солнца не видно, какой час, не угадаешь. По ощущениям Марка – долго. Вдруг дед остановился, сощурился, руку козырьком прило-

жил к лицу – увидал что-то, заторопился. Марк – след в след. Глаза напрягал-напрягал и скоро тоже заприметил. Невольно восхитился дедом – старый, а видит далеко! Даром, что один глаз.

Далеко-далеко маячила какая-то черная палочка. Стояла прямо, что твой столб. Человек, дерево, статуя – кто ж отсюда разберет? Спешили туда, шли через цветную круговерть, – надо же куда-то стремиться.

Пока шли, Марк невольно любовался, раскрыв рот, глядел по сторонам. Слева и справа что-то происходило, вырисовывалось, прорастало сквозь непрерывное вращение. Возводились величественные здания, горы раскрывались и кровили лавой, маршировали люди, неслись огромные стада животных – мешанина образов, котел смыслов. Будто за пределами их жалкого круга было сразу все, что только можно вообразить.

Цель приближалась. Марк уже четко различал ее – такая же сфера, что и у них с дедом, отвоеванный кружок покоя. В нем – дерево, невысокое, тонкое, многорукое. А под деревом – человек. Да не один – двое. Мужчина и женщина.

Мужчина, неприметный; одежда странная, грубая, потерянная. Волосы отросли, щекочут щеки. Стоит, прислонившись к стволу спиной, на Марка с Андреем поглядывает, яблочко серпом чистит, очистки на землю роняет. Женщина тревожно с ноги на ногу переминается. Красивая. Только с рукой что-то не то, блестит, будто обмотана чем.

Подошли вплотную, коснулись сферами – те слились, как две капли воды.

Дед прижал к себе Марка, выжидательно поглядел на незнакомцев. Мужчина хрустнул яблоком, сказал:

– Андрей, ты? Как раз вовремя. Очень нужен.

IV

Ася, придавленная чужим весом, смотрела в это новое лицо, пыталась понять, что произошло, кто это и откуда взялся. Она никогда не видела этого человека. Однако было в его лице нечто, казавшееся смутно знакомым – как забытый сон, как встреча с другом из детства, который вырос где-то далеко от тебя, и ты, спустя столько лет, узнаешь его по улыбке, по выражению глаз. И это узнавание было приятным – несмотря на обстановку, на ужасные обстоятельства встречи: жизнь поломалась, Дима мертв, а она купила себе право владеть существованием именем того, кого ненавидела сильнее всех на свете.

Лихорадочная улыбка на лице мужчины погасла, он слез с нее, шмыгнул неровным, явно когда-то поломанным носом, подмигнул на прощание – щека дернулась нервно, рассказывая о нем то, что сам бы о себе он рассказывать не стал.

– Иса, – прогудел золотой император со своего трона. – Как всегда эффектно!

Иса отвесил шутливый полупоклон; серп, подвешенный

за петельку на пояс, качнулся.

Ася, покопавшись, поднялась на ноги, приняла вертикальное положение.

– Спасибо! Ты избавил меня от неприятной сцены, – Ректор поводил в воздухе рукой, пытаясь жестом компенсировать отсутствие мимики.

– К вашим услугам, – сказал мужчина, которого Ректор назвал Исой.

– Уведите ее, – громыхнул Ректор. – ГГ, ты живой там?

Следователь, распростертый на полу, не ответил. Солдаты, подбежавшие к нему, засуетились. Один, приложив руку к шее, отрапортовал:

– Живой.

– Уберите его. И девушку тоже. Делайте с ней, что хотите. Допросы там, суд, казнь. Вы свое дело знаете.

– Не-а! – подал голос Иса. – Я заберу девушку с собой. За тем и пришел.

Ася невольно повернула голову к Ректору, тот в недоумении водил своими чудными механическими глазами от нее к Исе.

– Ты в своем уме? Покушение! Она пыталась убить меня! – возмутился Ректор. Казалось, что сквозь искусственный голос прорезались эмоции.

– Я уведу ее так далеко, что вы больше никогда ее не увидите, – спокойно сказал Иса.

– Исключено, – отрезал Ректор.

– Не заставляйте меня напоминать обо всем, что я для вас сделал, – поморщился Иса. – Счет будет не в вашу пользу.

– Как ты смеешь? Зачем она тебе? Проси, что хочешь. Ее не отдам.

– А я хочу ее, – пожал плечами Иса.

– Ты испытываешь мое терпение, – сказал Ректор.

– А ты – мое, – прошипел Иса, отбросив показную вежливость. – Разве я когда-нибудь о чем-нибудь просил?

– Перечисль мне при моих людях...

Иса усмехнулся как-то недобро. Щелкнул пальцами. Ася ахнула. Солдаты повалились на землю – в крови, мертвые.

– А так? – спросил Иса, стряхивая кровь с серпа.

Ректор возмущенно зашипел своим речевым аппаратом, поднялся с трона.

– ТРЕВОГА! – видимо, Ректор повысил громкость в динамиках. – ВСЕМ ОТРЯДАМ! ТРОННЫЙ ЗАЛ!

Иса в два прыжка добрался до Ректора, с силой толкнул его в золотую грудь. Ноги ректора со скрипом подогнулись, и он неуклюже уселся обратно. Иса ловко впрыгнул ему на колени, вцепился пальцами в железную шею, приставил серп к механическому глазу. Капелька крови стекла с острого кончика на золотую маску, покатилась по холодной, неживой щеке. Со стороны могло показаться, что Ректор плачет.

– Ах ты железный сукин сын! – прошипел Иса. – Неужели ты еще не понял, что я ненавижу, когда мне перечат? Отзывай своих солдафонов! Живо! Пока я не вскрыл тебя, как

консервную банку и не нашинковал твои старческие мозги!

– Давай! Убей его! – поддержала Ася.

– Да что с тобой? Прекрати! – бесстрастным механическим голосом взмолился золотой император, отчего происходящее казалось скорее комичным, чем страшным.

– Отзывай! Свою! Солдатню! – выплюнул Иса в лицо Ректору.

– ОТБОЙ! – пискнул Ректор своим электронным голосом.

В этот миг произошло сразу несколько событий: новые солдаты с грохотом ввалились в тронный зал; Иса, подцепив серпом золотую маску тирана, одним резким движением оторвал ее и отпрыгнул в сторону; Ася восторженно взвыла.

Солдаты замерли на пороге, ошарашенно глядя на мешанину железа и проводов там, где было лицо их императора. Потом заметили своих мертвых товарищей, и все, как один, побледнели, будто из них разом выкачали всю кровь. Осознав, что произошло, Ректор закрыл прореху на месте лица механическими руками. Иса привстал с пола, повернулся к солдатам, приложил золотую маску к своему лицу.

– Что?.. Ваше высоко... ваша светлость, – запутался в словах один из солдат. – Мы... Что нам?..

– Проваливайте отсюда! – гаркнул Ректор. – Вон!

– Но?..

– ВОН!

Солдаты скрылись – будто их не было.

– Мы тоже можем идти? – будничным тоном спросил Иса,

вытирая серп об одежду одного из мертвецов.

– Ты об этом пожалеешь, – уронил Ректор. – Я этого не забуду.

– Я скоро вернусь, – сказал Иса. – И мы все обсудим.

Иса галантно подал руку Асе, Ася отшатнулась.

– Не подходи ко мне! – Занесла механическую руку, чтобы ударить.

– Не глупи, – вполголоса сказал Иса. – Если бы я хотел тебя убить, давно бы сделал это.

И схватив ее за настоящую, теплую руку, потянул к выходу. Механический протез безвольно опустился.

– Возвращайся! – бросил Ректор им вслед. – Я буду ждать.

Иса, не глядя, бросил в него маской.

* * *

Ася и ее странный сопровождающий спустились вниз в просторном лифте, где играла спокойная музыка. Он отпустил ее руку. Ася увидела отпечатки пальцев на предплечье – будут синяки. Двери, издав мелодичную трель, разошлись, выпуская беглецов. Солдаты стояли неподвижно, как статуи, вытянувшись по струнке у стен большого, гулкого зала. Иса и Ася прошли мимо вооруженных людей, никто не попытался их остановить. По-видимому, ректор успел передать, чтобы им не мешали. Погрузились в лабиринт коридоров, ведущий к выходу. Иса держался уверенно, будто бывал здесь

не раз.

Ася знала, что когда-то это здание, которое Ректор теперь использовал как свою резиденцию, принадлежало университету – заплесневевший кусок прошлого. Ректор сильно его перестроил, но бывшая каменная стена сохранилась и все еще вызвала невольный трепет, уважение к камню, оказавшемуся прочнее, чем время. Студентов здесь давным-давно не видели – для нового Университета выделили несколько этажей в соседней высотке, клеточку жизненного пространства в безупречно расчерченной тетрадке Ректора.

Вышли с неожиданной, недоступной простым жителям Ректората стороны – простор резал глаза, привыкшие к высоткам до небес, взгляд метался по пейзажу, не перегруженному деталями. Ася задумалась: видели ли она хоть раз в жизни столько незанятого места разом?

Беглецы спустились по широким каменным ступеням. По обе стороны лестницы Ася заметила две каменные скульптуры – мужчину и женщину с книгами в руках. Мужчина чем-то напоминал Ису – возможно, одеждой.

Пошли дальше, по пустому безлюдному проспекту, украшенному бассейном с фонтанами. Фонтаны не работали, но вода в бассейне выглядела чистой. По бокам от бассейна красовались бюсты забытых мудрецов.

Иса не спешил начинать разговор, просто шагал рядом – жуткий, перепачканный чужой кровью, молчаливый. Лицо безмятежное, спокойное, будто не отнял только что несколь-

ко жизнью, не угрожал самому могущественному человеку – человеку ли? – на этом едва уцелевшем клочке планеты.

Отчего-то Ася никак не могла его по-настоящему испугаться, хотя старалась. Ее спаситель выглядел расслабленным, уверенным в себе, и эта уверенность оказалась заразительной.

– Куда мы идем? Что это за место? – решила Ася.

Иса улыбнулся, глянул на нее насмешливо:

– Это парк. Ректор иногда выходит сюда на прогулку, – махнул серпом, лезвие поймало закатный луч и весело блеснуло. – Здесь раньше гуляли студенты. Давным-давно. Бежали, занимались спортом. Теперь – никого. Граница. Посторонним вход воспрещен!

Подошли к пруду. Иса сунул серп в петельку на ремне, сложил руки чашей, окунул в воду и, наклонившись, плеснул в лицо.

– Раньше тут были фонтаны. Красиво! Сейчас, как видишь, – только пруд. Спасибо Ректору, что воду меняет. – Отряхнул руки, брызнул во все стороны каплями, посмотрел на Асю долгим взглядом. – Ты не должна была это видеть. Там, наверху. Они не оставили мне выбора. С ними иначе никак.

– Что там произошло? Как ты это сделал? Я не совсем поняла, что случилось.

Иса усмехнулся:

– Время – вещь относительная. Иногда я могу двигаться

очень быстро. Особенно когда пытаюсь спасти принцессу.

– Почему ты спас меня?

Иса помолчал, обдумывая ответ, и начал:

– Я работаю на Ректора. Точнее, и на Ректора тоже. Как курьер. Выполняю разные мелкие поручения. Хожу туда-сюда. За годы его счет передо мной очень вырос. Поэтому мы с ним договорились: иногда я могу забирать людей. Тех, кто ему все равно не нужен, – бунтарей, недовольных, осужденных. Кому не нравятся его правила. И это тоже своего рода услуга. Очищение. Ректор бредит этим своим Вечным Городом, воображает себя императором. Бойтся, если народу много станет, все развалится. Отсюда контроль рождаемости, оперы, агентура.

– Я его ненавижу. Он убил моих друзей. Он убил отца моего ребенка! – сказала Ася тихо, со стальными нотками в голосе. – Он сделал из меня чудовище! – Ася подняла механический протез, который, как всегда, отреагировал с задержкой. – И ты работал на него?

– Насчет руки – не кипятись. Лучше с протезом, чем совсем без руки, так ведь? А насчет парня, – Иса склонил голову, – это я виноват. Я пошел за вами обоими, когда узнал, что на вас донесли, но не успел. Сейчас время такое, никогда не знаешь, сколько проведешь в дороге.

– Кто донес? – голос Аси стал еще тише.

Иса махнул рукой:

– Хозяин квартиры.

Хозяин квартиры. Мерзкий, толстый, вонючий клоп. А ведь они ему еще деньги платили! Так и раздавила бы эту подлую лысую гниду!

Нахлынули воспоминания. Ася села на землю, хлопнула себя по протезу, наконец дала волю чувствам. Излила весь накопившийся страх, обиду, огорчение. Всю свою поломанную жизнь вложила в эти тихие, почти беззвучные слезы.

Иса пожал плечами, безучастно отошел в сторону, сел на корточки и принялся чертить на земле серпом полосы.

– Знаешь, что я понял однажды? – Иса поднял серп, как будто поставил знак вопроса в конце предложения. – Когда наш мир поломался, это были не просто временные трудности. Это был конец. Крах цивилизации. Все предыдущее вокруг морали крутилось. А потом не стало морали. И это было своего рода освобождение. Люди перестали лицемерить. Поубивали друг друга, ограбили. Настроили свои маленькие королевства.... Вот я и болтаюсь между ними, этим помогаю, тем. И у всех одну плату беру: людьми. Собираю недовольных, отвожу на северо-восток. Там живут свободные люди. Растят мораль. У меня, как видишь, тоже нет морали, потому что времена сейчас такие, мораль только мешает. А если дать новому поколению вырасти спокойно, может, мораль и появится. А вместе с ней цивилизация – лучше прежней.

– Трудно в это поверить, – прошептала Ася сквозь налипшие волосы.

– Не хочешь – не верь, – пожал плечами Иса. – Все равно

идти придется.

– А если я откажусь?

– Не откажешься, – Иса ткнул острием серпа в палец, выдавил кровь, подошел к Асе и сделал два быстрых движения, намалевав что-то у нее на лбу. По ощущениям, круг – справа налево, сверху вниз.

Ася напряглась. Стерпеть или ударить? Вспомнила, как упали солдаты с перерезанными глотками. Вспомнила о ребенке в животе, прощальном Димином подарке. Очень захотелось жить – ради него. Посмотреть, кто родится – мальчик или девочка, на кого будет похож. Вдруг Иса говорит правду? Может, где-то там, на северо-востоке, и правда есть эта земля обетованная? Должна же быть где-то надежда?

Иса нетерпеливо кивнул, улыбнулся жутко сквозь серп. Поманил за собой, и Ася встала, пошла – к деревьям, к лесу. Как будто он пометил ее и она стала его собственностью. А она просто хотела жить – не ради себя, ради ребенка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.